

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTIONS

ИРИНА
ЛАЗАРЕНКО

**НЕВЫНОСИМЫЕ.
ДО ПОРОГА ЧУЖИХ МИРОВ**

Ирина Лазаренко
Невыносимые. Дорога
до чужих миров
Серия «Mystic & Fiction»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43477568

*Невыносимые. До порога чужих миров / Лазаренко И.: Флюид
ФриФлай; Москва; 2019
ISBN 978-5-906827-13-5*

Аннотация

Появление магистра магии в деревне стоило жизни одному из четырех друзей. Оставшимся пришлось забыть о привычных стычках за право жить, как хочется, и уйти в долгий поход, в надежде понять, что и почему произошло на самом деле. Трем друзьям довелось пройти по краю, полному добрых и злых духов, собственной и чуждой магии, зубастой нечисти, людей и нелюдей. Иногда это было весело, иногда – непонятно, а еще – страшно и смертельно опасно без всяких «почти». Но вместе с ответом они нашли новые вопросы и даже частицу самих себя. И никто не предупредил, что будет именно так. Но ведь тем интереснее...

Содержание

Книга 1	4
Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	42
Глава 3	69
Глава 4	96
Конец ознакомительного фрагмента.	120

**Ирина Лазаренко
Невыносимые. До
порога чужих миров**

**Книга 1
До порога чужих миров**

*Путь долга редко бывает простым, но только
он может дать человеку понятную, осязаемую*

*цель, а вместе с целью он дарует уверенность,
твердую почву под ногами и смысл всего
существования.*

Предания, следоуказательный текст

*Да нам просто страшно идти по дороге мечты!
Приписка на полях в одном из экземпляров*

Пролог

Ташуя обхватила ладонями чашку и скучно протянула:
– Я умру.

Орим, ее отец, поморщился. Вот же заладила: «умру» да «умру», говорит одним и тем же тусклым голосом, смотрит в стенку – и не понять: всерьез ли она помирать собралась, чувствует ли что-то по-своему, по-магически, или же просто треплется, тетешкая свою грусть и страшную вину.

– Прекрати мне это, – велел Орим и подвинул к дочери кувшин с отваром. – Мелешь дурное дурным языком, да еще на ночь глядя!

Кувшин Ташуя взяла, налила отвара в чашку, чуть расплескав на стол.

– Да что ты косорукая такая, Ташка! – тут же взвился на стенной полке хатник. – А еще магичка!

Хатник Ташую невзлюбил три года назад: тогда она никак не могла вырваться из своей Магической Школы к заболев-

шей матери, а когда наконец справилась со всеми очень важными маговскими делами и доплюхала до родного поселка – хозяйку дома уже похоронили.

– Я умру, – повторила Ташуя, и не услышав, верно, хатника. – Это правильно, это честно. Я убила всех своих друзей. Пусть я теперь умру тоже.

– Убила, убила, – едко подтвердил со своей полки хатник и громыхнул мисками. – Потому как косорукая, и еще магичка!

Ташуя поднялась из-за стола, придерживая живот. Мало-рослая, хрупкая, она носила его с изрядным трудом, спина у нее часто болела, лодыжки были налитые, страшные.

– Вы дитя берегите. Оно важно.

– Всяко поважней тебя, – пробурчал хатник.

Орим на это рывкнул, и хатник понял, что хватил лишку, спешно скрылся среди мисок. Ташуя медленно, как спящая, подошла к печке, взяла тряпицу, вернулась и протерла стол.

– Очень важно, – повторила глухим, сонным голосом. – Не только для вас. Для всех. Я не знаю, почему.

Орим покачал головой. Не знал он, что можно ответить на такое. Дочь после возвращения как подменили, он это и понимал, и не понимал одновременно, ему казалось, что стоит за этим изменением что-то посложнее чувств вины и утраты, что рассудок покинул Ташую и лишь его тень пока позволяет ей двигаться, говорить, дышать. Дочь пугала его, он не знал, как подступиться к ней, как утешить и ободрить –

да и не был уверен, что за ликом дочери, единственным родным ликом во всем мире и Мирах, осталось еще хоть что-то, способное откликнуться на слова утешения и ободрения. На любые слова.

Через десять дней, в середине месяца завязня, Ташуя умерла в родах, и Орим остался на свете почти совсем один. Если, конечно, не считать ворчуна хатника и внучки.

Младенец, вопреки опасениям Орима, не попытался помереть следом за матерью и вообще причинял довольно мало хлопот – всяко меньше, чем Ташуя в свое время. Ребенок много спал, сосредоточенно ел, мало плакал, пытливо смотрел на мир вокруг себя не по-детски тревожными и совершенно черными глазами.

Для девочки долго не находилось имени – месяца полтора, и хатник очень тревожился, что из-за этого не может развесить вокруг колыбели самолично навязанных обережных куколок. Но как-то утром, когда не по-младенчески черные глаза, в которых не было видно зрачков, уставились на Орима неожиданно осмысленным и немного пугающим взглядом, он хлопнул себя по лбу:

– Алера! Тебя зовут Алера! Отчего ж я сразу не понял, а?

– Боевая девка будет, – радостно приговаривал хатник, развешивая у колыбели обережных куколок. – Бедовая и толковая! Только б не магичка, а, старик? Скажи! Только б не магичка! Одни беды этому дому от них!

Орим по привычке ворчал и огрызался в ответ, но не про-

гонял суетливого хатника и заткнуться не велел, потому как было в его словах много правды, и Ориму самому бы не хотелось, чтобы у внучки оказались магические задатки. Но выяснится это лет через десять, а то и через все пятнадцать.

Можно было бы сказать, что волновались они совершенно напрасно: у Алеры не было ни малейших способностей к магии. Но для волнений оказалось предостаточно и других причин, причем чем дальше – тем больше. И если младенцем она приносила деду одну лишь радость, то от взрослой внучки голова у него болела так, что никакими словами передать невозможно.

Глава 1

Верен и его друзья караулили Алеру сразу за порталом, в зарослях неведомых Ортаю разлапистых растений.

Далеко от тропинки Алера не убегала, если уходила в сторону, то ненадолго. То и дело присаживалась, окончательно пропадая из виду, один раз чем-то поскрежетала. Схованка там у нее, что ли? Хорошо бы так! Очень хорошо бы!

Трое парней недовольно ворчали всякий раз, когда черно-волосая макушка пропадала из вида. И чего девку понесло именно в этот Мир, сплошь заросший зеленью, с гудящим от насекомых воздухом, влажным и тяжелым! Тут целый отряд упустить из поля зрения немудрено, не то что одну Алеру! И что эти чокнутые потеряли в Мирах, кто бы знал!

Клейкой сладостью несло от больших светло-желтых цветов, летали туда-сюда пчелы, солнце висело прямо напротив кустов, заставляя щуриться.

– Вот была бы она рыжей, а не черной, – шипел Ту-рак, отирая слезящиеся глаза. – Или повыше хотя бы. Глаза ж поломаешь. Тьфу.

– И еще не помешало б ей поварешкой о кастрюлю колотить на ходу, – усмехнулся Веррен.

Самим отходить от портала было боязно: Мир нехоженный, непривычный, наполненный ползуче-летучей дрянью. В таких Мирах никогда не знаешь, что за мерзость прячется в

высокой траве, какая пакость упадет с ветки тебе за шиворот, кто ужалит тебя так, что два дня от боли спать не сможешь.

Алера, видно, тоже раньше тут не была, хотя, кажется, не существовало в этой части Ортая Миров, которые она и ее друзья не исходили бы вдоль и поперек. Но, если место ей знакомое, зачем крутиться рядом с порталом? Однако клинки она не доставала и по сторонам не оглядывалась, как будто вовсе ничего не остерегалась, и даже на пчел не оборачивалась, хотя от их гула аж воздух поплотнел.

С оберегом от летучей пакости пришла, что ли? Так ведь знать надо, в каком Мире от чего опасности больше, с собою ж только один оберег можно взять...

– По-моему, она не впервой тут, – подал голос Кийяк.

– Тогда бы вперед пошла, – буркнул Веррен, – только пятки бы сверкали. Какой толк у портала топтаться, если место знаешь? Чем дальше в Мир – тем толще кошель.

Кийяк поморщился, услышав поговорку, известную каждому новичку. Сами они были не любители изучать Миры: опасно, долго, трудно, а на целебные припарки потом потратишь больше, чем выручишь с первых заходов. Каждая обитающая здесь тварь, от тупых ящеров до почти разумных магонов, норовила попортить настроение и самочувствие незваным гостям, и, хотя по-настоящему умереть в Мирах было невозможно, неосторожные путешественники доставляли потом лекарям изрядно хлопот.

Но Веррен и его друзья считали, что только слабоголовые

люди будут класть на изучение каждого Мира месяцы времени и ковшиki крови. Куда проще и безопасней отлавливать одиночек прямо у порталов да отбирать найденное. И быстрее, конечно.

– А вы слышали про призрачного пса, что охраняет границу Эллора? – спросил вдруг Кийяк. Никто не ответил, но он все равно пояснил: – Говорят, кто его увидит, скоро умрет, и душа его не полетит к Божине, а будет вместе с псом охранять граничный предел.

Веррен фыркнул.

– Да что ж она мелкая такая, – снова принялся ворчать Турак, опять потеряв Алеру из виду. – Ныряет в те заросли, словно змея. Быть бы ей повыше, вот ну хоть чуток бы!

– Цыц, – сердито велел Веррен.

Болтовня приятелей сердила его, и без нее было не по себе, тревожно и чуточку стыдно, хотя виду он и старался не подавать.

Они ведь никогда прежде не совались к Алере и, быть может, правильно делали. Кийяк, к примеру, прямо говорил, что последовать за ней было глупостью, которая еще вылезет им боком, а потом другим боком, а потом еще и ухом: Алера-то в Мирах не первый год, а мечей у нее целых два, и машет ими она получше любого из них.

Да и вообще у сельчан было настороженное отношение к Алере. Слишком она другая, не похожая на нормальную девушку. Была бы нормальной – не носилась бы по Мирам с парня-

ми в друзьях да при мечах на поясе. А еще наглая она сверх всего, что можно придумать, и никто ей за эту наглость не может настучать по мордасам, потому как... Ну, потому как боязно! И клинки у нее, и уверенность какая-то запредельная, и глазища жуткие, временами как зыркнет – не смотрит, а наизнанку тебя выворачивает! Иди знай, что Ташуя углядела в не рожденной еще дочери, если даже не попыталась спасти себя, лишь бы выжила эта девка. А получилась-то она и впрямь непростая!

До сих пор Алера никаких значительных вещей не совершила и, если так подумать, не выделялась из прочих жителей Лирмы ничем сверх того, о чем уже было сказано, но кто ее, заразу, знает – вдруг прямо сей вздох и начнет?

И еще – умению обращаться с мечами всех мужчин поселка учил именно Орим, и теперь вот переть с этими самыми мечами на его же внучку было как-то неудобно.

– А вы знаете, что элорцы не хоронят померших? – нарушил молчание Кийяк. – Их жгут, а пепел жрут. А если элорского мертвяка не сжечь, он через три дня обернется мертвягой.

– Цыц, – буркнул Веррен.

Ну вот почему его потащило за Алерой, когда в поселке – целые стаи молодняка, зеленого и непуганого?

Он не объяснял друзьям, почему, да и себе, пожалуй, не объяснял тоже. Быть может, ему просто хотелось посмотреть, что будет, и увериться, что не будет ничего. Как змею

потыкать палочкой и убедиться, что она предпочтет уползти, а бросаться на тебя вовсе даже не станет, хотя до этого шипела изо всех своих змеиных сил.

А вообще-то, не успел он ничего хорошенько обдумать. Просто случился вдруг такой подарок – она прошла к порталу одна, а не окруженная толпой своих друзей, как обычно бывает. Ну разве можно бьио устоять, не проследить за ней?

– Возвращается, – сказал Веррен, хотя все и так это увидели.

Алера шла к порталу быстро, бросая полные досады взгляды на солнце: задержалась все-таки. Да еще в голове от пчелиного гудения что-то начинало стучать и ухать, как будто улей промеж ушей застрял. И что тем пчелам не сидится где-нибудь в дуплах по такой жаре?

Выползшие на тропу побеги растений мягко пружинили под ногами и тут же распрямлялись вновь. Да и не тропа это, а название одно – просто трава на ней не до колена достает, а чуть пониже. Хорошо, в этом Мире нет змей! Им бы в самый раз было прятаться в густой траве и хватать незадачливых путешественников за пятки!

Алера была в каких-нибудь пяти шагах от портала и уже перехватила котомку поудобнее, приготовившись прыгнуть, когда из раскидистых кустов выбралась тройца парней и решительно перегородила подход к бледно-зеленому свечению на земле.

Парни были как на подбор: высокие, широкоплечие, ко-

ротко стриженные – словно братья-близнецы. У всех упрямо выдвинуты челюсти, у всех – глубоко сидящие глаза, темные и беспокойные, носы-картошки и щетина на щеках. Знакомая компания! Но не сказать, чтобы приятная, да и мечи в руках оставляли мало надежды считать, что парни просто мимо проходили.

Да и не торчали бы они у портала, если б не проследили прыжка.

Веррен поморщился, когда два клинка словно сами собой прыгнули в руки Алеры. Хорошие были клинки: не то длинные ножи, не то короткие мечи, неширокие, обоюдоострые и слегка изогнутые. Лезвия с виду остры до неправдоподобия. Дол почти во всю длину клинков, гарда необычная, широкая и полукружная. Легкие клинки, наверное, и в руках удобно лежат. Возникли неуловимо – словно кошка когти выпустила да смотрит теперь: махнуть тебе размашисто по глазам или сделать вид, что просто размяться решила, потянуться да спрятать когти?

Смотрела Алера именно так. Глаза у девчонки были большие, черные, но похожие на кошачьи – ленивой наглостью, насмешливостью. И усмехалась она недобро, уголком рта, совсем как дед ее усмехался, бывало. Так-то Алера, конечно, красивая: глазища черные, круглые, кожа светлая и темные веснушки на лице – необычные, крупные, как будто их нарисовали на носу и щеках, а вот только рот у нее – дедовский, большой, тонкогубый и бледный, ну чисто лягушачий.

Таким ртом усмехаться можно только недобро и мерзостно, а больше никак.

– Ну и? – спросила Алера вкрадчиво.

– Выворачивай котомку! – неожиданно громко рявкнул Веррен и крепче сжал рукоять собственного меча.

Воспользоваться им вряд ли хватило б решимости, но оружие придавало уверенности и весомости какой-то, что ли. На Алере Веррен глядел сверху вниз, шире был гораздо, а то, что он стоит тут не один, а с приятелями, придавало всем троим решительной наглости.

Ну а как иначе? Что там этой девчонки, тьфу, одной рукой подхватить можно и под мышкой в поселок унести!.. Если перед тем оглушить и связать, конечно, а то она, пожалуй, вывернется, как змеюка подколотная, выдаст хорошего леща и сама тебя пинками в Лирму погонит, чтоб сельскому голове сдать для воспитательной порки. Или на месте шею свернет да прикопает в овражке, чтоб неповадно было.

Потому как наглая она сверх всяческой меры, вот что.

Алера легонько качнула мечом в сторону Веррена, он отшатнулся, но тут же шагнул вперед, выругался. Девушка усмехнулась:

– Вы что, головами вперед в портал попрыгали и разума лишились?

– Не твоя о том печаль, – буркнул Турак. – Сама-то зачем сюда пришлепала?

Алера дернула плечом:

– Ну, скажем, за Кристаллами – не сложилось, правда. Зато повезло с топазами. Но их я вам тоже не отдам, вот такая неудача. Топать бы вам отсюда, право слово.

Турак фыркнул:

– У вас же Рань Кристаллами занимается. Да и он только-только начал, ничего у него еще не срастается... – Покопался на друзей и пояснил: – Я слышал, как он Суджаму про шестигранники говорил. Да, так Рань-то камни отдал нам при случае, не стал кочевряжиться. А тебе они на кой сдались-то?

Алера широко улыбалась бледным лягушачьим ртом, а Веррен все больше подозревал, что где-то они с друзьями свалили большого дурня.

– Рань обереги делает, Кристаллами просто балуется. А срачиваю их я. Лет пять уже срачиваю. Ты бы спросил у Суджама, прежде чем смелостью своей трясти, тут ведь нет тайны. Турак, Веррен... вы почему тупые-то такие, а?

Турак медленно покрывался холодным потом под ржавой кольчужной, которую упорно таскал в Миры несмотря на усмешки приятелей. Ему совсем не хотелось на собственной шкуре узнать, какие сюрпризы могут преподнести клинки Алеры и что на самом деле представляет собой ее простецкая потертая жилетка из телячьей кожи.

Кийяк попятился и пробормотал про бдыщевую мать, к которой вся затея может проваливаться, но опустить клинок под тяжелым взглядом Веррена все же не решился.

– Ну и что? – спросила Алера, наблюдавшая за парнями, чуть склонив голову. – Мечи в ножны – и по домам? Или вам копытами побить охота?

Веррен снова зыркнул на друзей и опять обернулся к Аlere:

– По домам, только сперва ты котомку вывернешь. А то Кристаллы Кристаллами, но нас трое, а ты одна.

Девушка пару вздохов стояла, глядя на него невозможно черными глазами, под взглядом которых мысли сбивались, костенели и словно оказывались, ну, выброшены наружу и разложены в рядочек на траве. Потом опустила клинки. Друзья выдохнули и подобрались, Турак и Кийяк выглядели удивленными и едва сдержали облегченные вздохи. Веррен мотнул головой, разгоняя дурное наваждение.

Что там этой девчонки, ну в самом-то деле!

– Да, – согласилась Алера и мягко ступила между ними. Парни мимовольно сделали по шагу назад. – Вас трое. А меня дед к ужину ждет. Не гоняться же за каждым по поляне, коза вас забодает?

Два клинка вскинулись и очертили по полкруга. Веррен схватился за горло и попытался что-то крикнуть, но не сумел, и удивился тому, какими мокрыми стали его пальцы, и как сильно земля ударила его в ухо, и как удачно, что его друзья тоже рухнули и не могут смеяться над ним и над тем, какой все-таки идиотской оказалась его затея.

– А на что вы рассчитывали? – хмыкнула Алера, пересту-

пила через ближайшее тело и шагнула в портал.

* * *

Запах жареного мяса заполнил оба этажа дома, а через открытое окно трапезной еще доносился вязкий и сладкий аромат агератума из палисадника. На улице пока держалась дневная летняя жара, а в доме было хорошо, прохладно.

О возвращении внучки возвестила хлопнувшая внизу дверь и топот ног по ступеням.

Постройку этого дома Орим закончил в тот год, когда Та-шуге сравнялось пять лет; ступени ладились с тем умыслом, чтоб по ним удобно было ходить ребенку. Низкие, широкие, они со временем стали поскрипывать и покряхтывать, но держались крепко, и заменить лестницу рука не поднималась.

К ужину Алера безнадежно опоздала. Когда она наконец появилась в трапезной, на ходу стряхивая с рук последние капли воды, Орим покачал головой, указал взглядом на стул и подвинул к ней большую миску.

Крупный, крепкий, невысокий, с виду он напоминал тяглового быка, но двигался с неуловимой легкостью человека, с мечом в руках проводящего больше времени, чем безоружным. Если бы не сивая голова и глубокие морщины на лице – можно было бы подумать, что ему не семь десятков лет, а в два раза меньше.

– Я тебе не трактирщик, ясочка.

Хатник на стенной полке свирепо застучал ложкой о тарелку, но дед и внучка знали, что он тоже не в силах рассердиться на Алеру всерьез.

– Извините, – неубедительно покаялась она, усаживаясь на высокий стул с низкой спинкой.

Орим усмехнулся, притянул к себе казанок с кашей.

– Там что-то новое произошло в Мирах, а?

Спросил в шутку, но Алера, сосредоточенно таскающая мясо в тарелку, подняла голову и картинно вытаращила глаза:

– Произошло. Вообще-то, там теперь творится целый разбой с грабежами. Представляешь?

Орим удивленно вскинул косматую бровь.

– Веррен с дружками, – пояснила внучка, оглядела стол в поисках новой добычи и потянулась к рубленой капусте: – Проследили на входе, поймали на выходе. Котомку им. Трут-ни трусливые.

На стенной полке грюкнуло, хатник затопотал по полу, вскарабкался на стол: комок шерсти размером с крысу, с человеческим лицом, голыми ступнями, длинными гибкими пальцами.

– Нападение? – выдохнул он и побежал прямо по столу к Алере.

Она, смеясь, отстранилась.

– Не полошись, Петри! Ничего мне не сделалось, да и сами

идиоты живы.

– Живы? – переспросил дед. Пальцы у него чуточку дрожали. – Отчего бы им не быть живыми-то?

– Не отчего, – проворчала внучка, скривилась. – Что им делается в Мире? Очухаются – вернутся. Ну, горлышки поболят немного.

Орим помолчал, чуть покачивая в ладонях кружку с отваром. Переглянулся с хатником. Надо же, надо же! Веррен и его дружки, вот же хвосты конские, а! Он разве для того обучал их мечному бою, чтобы они на Алеру с мечами поперли? Добра, значит, не помнят, науки не ценят! И еще – просто балбесы никчемные, потому как даже не подумали, что свою внучку-то он, Орим, выучил лучше, чем кого угодно другого – потому как времени ей уделял больше!

А она? На людей с мечами! Когда такое видано было, а? И оно-то понятно, что не первая полезла, а на свою защиту встала, и понятно, что не убила насмерть, коли за порталом было дело, но ведь она не встревожена, не смущена, аппетит не потеряла! Как будто перерезать горло человеку – все одно, что курице!

Это он, Орим, старый наемник, может так считать, а она, девчонка, – нет!

– Ясочка, ты почему была одна? – вдруг спросил он.

Алера пожала плечами:

– От скуки забежала, ненадолго, ну я думала, что ненадолго. Тоска меня разобрала что-то. Делать нечего. Элай и Рань

уже сколько дней как в Эллор уехали, а Тахар с утра занят, варит какое-то жуткое зелье. Вчера мы с ним на болото таскались, ему жабы спинки нужны были. Жабы спинки, представляешь? Можно подумать, он не маг из приличной семьи, а какая-то колдунья из жутенькой сказки. И он еще обещал, что если буду над спинками шутить – в другой раз попросит ему помочь добыть чего похуже. Я вот и думаю теперь: чем он вообще занимается, когда мы его не видим, а? Из чего он эти зелья варит на самом-то деле? Может, зря мы их пьем, как думаешь? Если жабы спинки – не самое страшное...

– А эти двое, значит, в Эллоре, – повторил Орим, покачивая в ладонях кружку. – Снова. Третий раз, с весны считая, да?

– Да, дед. Если ты вдруг раньше не заметил – они эльфы. Орим вздохнул.

– Ты, ясочка, знаешь что? Не удивляйся, если придет такой день, когда они не вернуться.

Алера вскинула брови, ожидая продолжения неудачной шутки. Орим насупился и решительно рубанул:

– Не в этом, так в будущем году – не вернуться. Или придут, но не к вам, не к тебе, не к Тахару. Другими делами-заботами будут заняты. Понимаешь?

Алера покачала головой, во все глаза глядя на деда. Шутит Орим или нет, но говорит он нечто странное. Колючее.

Они четверо были неразлучны с десяти лет, с тех пор, как Орим начал учить их биться на мечах и топорах. Уметь это

должны были все мужчины Ортая: никогда не знаешь, от какой напасти придется обороняться завтра – места-то северные, до границы в Гижуком не так далеко. И хоть с единственной войны между Ортаем и орками минуло шестьдесят лет, а ухо остро держать лишним не будет. А уж в Мирах-то умение обращаться с мечом всегда пригодится, так пригодится, что без него и лезть за порталы нечего.

Внучку же Орим воспитывал как умел. Это означало, что от мальчишек она отличалась разве что с виду.

В том же возрасте, в десять лет, дети начинали учиться другим премудростям: письму, чтению, травоведению и прочим необходимым вещам. Некоторые семьи, где едоков было больше, чем рабочих рук, отказывались освобождать детей на целое утро ради какого-то там обучения, а некоторые люди и вовсе говорили, что их детям незачем учиться чему-либо сверх того, что требуется для ведения собственного небольшого хозяйства. Но в общем безграмотность считалась стыдной, почти как безудержное пьянство, потому большинство детей с десяти лет до пятнадцати все-таки ходили на занятия в божемольни. Учили их жрецы, самые грамотные и умные люди, несущие просвещение и успокоение: обучением детей, проведением обрядов, донесением слова Божии.

Алера, Тахар, Элай и Рань вместе учились, вместе росли, вместе совершили свой первый прыжок в Мир пять лет назад. Орим тогда обкусал себе ногти до крови, вытоптал тра-

вы на полперехода вокруг портала и проклял всех магонов разведанных и неразведанных Миров вместе с предками, потомками, жильем и утварью.

Из своего первого Мира друзья вышли полдня спустя. И еще полдня потом проспали. С тех пор Миры стали самой важной частью их жизни.

Убедить Алеру, будто ее друзья могут всерьез заниматься чем-то, не связывающим их друг с другом, едва ли было возможно. Орим это понимал, пожалуй. Внучке легче будет поверить, что родной дом, знакомый до последней скрипучей ступени, завтра рухнет, и теперь нужно вить гнездо в лесу. Или что воздух отменяется и следует немедленно разучиться дышать.

Но пусть хотя бы мысль допустит, что не приколочены они четверо друг к дружке. Для нее это осознать будет непросто, наверное. Не потому, что Алера глупая, а потому что слишком близки они. Слишком привычны друг другу.

Растерянность, испуг в ее глазах хлестнули Орима плетью, и он на вздох смешался.

– Чего ты ребенка пугаешь-то? Злой ты стал нешто в старости? – забубнил хатник. – Она ж ничего такого, она ж дите еще малое...

Орим отвел взгляд, махнул рукой, отпил большой глоток из кружки. Хорошенькое дите, в Лирме такие «дети» уже, бывает, своих малышей нянчат! Эх, и что бы ей не найти себе мужа, не нарожать Ориму правнуков, то-то он бы обрадо-

вался! И снова ощутил себя при деле, а то...

Выросла внучка, давно уже выросла, как бы ни хотелось Ориму и хатнику дальше считать ее дитем... Ну да, она выросла, и трудности выросли тоже! Мечами вот махать дед ее научил, а всякие там переживания... не понимает он в этом ничего. Может только гадать, насколько ей дороги дружба детства и... во что могла перерасти эта дружба за последние годы.

Взрослые они уже совсем, хоть и носятся по Мирам до сих пор.

Совсем. Уже. Взрослые.

– Ясочка, – заговорил наконец Орим, глядя в свою кружку, – если тебе, к примеру, по сердцу Рань...

Алера поперхнулась и закашлялась.

– Или Элай, – безнадежно продолжал дед, про себя подумав: «Не приведи ж Божиня!», – так ты даже не думай. Эльфы на людях не женятся, ясно? И, я так мыслю, не зря они в Эллор зачастили, прежде-то раза два в год выбирались? А теперь вот – видишь, как.

Алера потерла лоб, хлебнула воды из глиняного кувшина и совершенно спокойным, ровным голосом спросила.

– Ты думаешь, их к эльфийкам на смотрины зазывают?

– И давно пора, – брякнул Орим и одним глотком допил отвар. Поставил кружку на стол, поглядел на внучку сердито, подумал. – Выросли вы, Алера. Погодки ваши уже сколько времени в Миры не ходят, а? Вам-то самим, может, и дела

нет, а только вокруг вас жизнь идет, и участие в ней принимать нужда есть, и чем дальше – тем полнее.

Алера рассеянно смотрела сквозь деда, сжимая в ладонях кружку.

– Не может быть правильным какое-то там участие, если мы будем не все вместе, понятно? Как это может быть правильно? Так не пойдет, дед. Не могут какие-то там эльфийки порушить все... все, что столько лет нарастало, ясно?!

– Вообще-то, могут, дите, – неожиданно влез хатник, и Орим посмотрел на него с благодарностью.

Право слово, он чувствовал себя так, словно не ужинал вместе с любимой внучкой, а рубил железные деревья на дровишки. И еще, кажется, похожий взгляд он видел когда-то у Ташуи, но дочь смотрела более растерянно и жалобно, в ее глазах лишь проскальзывало жесткое: не допустить, избежать, отсечь! А уж в черных глазах Алеры эта решимость плескалась и выхлестывала за край.

– Тогда, возможно, мне придется просто убить всех эльфиек, – сказала она наконец и снова принялась жевать мясо.

Орим брякнул кружкой по столу и припечатал:

– Вы не будете вместе всегда. День вам остался, месяц или год – а придется разойтись, пойти каждому по своим дорогам. Так должно быть! Так всегда бывает! Понимаешь меня?

Алера подняла голову, и взгляд ее снова будто хлестнул Орима.

– Нет.

Тахар никогда не понимал страсти Алеры к Кристаллам. Ему, магу-самоучке, ближе были Карты. Над ними Тахар готов был просиживать днями, разбирая рисунки, вникая в смысл, пытаясь воссоздать заклинания.

Особо нового Карты не несли ничего – но даже один измененный слог мог дать дополнительные свойства или усилить заклинание. И самой увлекательной историей для Тахара была тайна новой Карты – словно открывались пути к нехоженным местам, играли новыми гранями знакомые предметы.

Наверное, Алера чувствует нечто подобное, работая с Кристаллами.

Для Тахара и Элая Кристаллы были лишь маленькими полезными вещицами, они не испытывали трепета ни перед чем, связанным с Мирами, и не видели в них каких-то особенных тайн. Элай ходил туда только для развлечения, ну и потренироваться лишний раз в стрельбе из лука. Рань пытался мудрить с Кристаллами, но без всякого успеха, что его жутко злило, да еще ему не раз довелось получать от Алеры по рукам за попытки утаить крупные и редкие камни.

Она поначалу объясняла, потом ворчала, затем начала сердиться всерьез – в общем, в последний год все чаще в Миры выбирались втроем, пока Рань был занят в кузнице.

И тогда стало удобнее и спокойней – всем, кроме Раня, конечно, хотя тот виду не подавал. А может, тоже предпочитал бегать по Мирам один: тогда ведь никто не скажет, что он утаил Кристаллы: один пошел, один нашел – кто-то против?

Тахар бросил в котелок щепоть порошка и довольно хмыкнул. Зелье удалось на славу, травнику в Киларе его можно будет продать не меньше, чем по серебрушке за пузырьки.

Маг потянулся, ощущая, как ноет тело, – вот ведь ерунда, вроде не скакал и не прыгал, а вымотался – словно день за плугом шел, а не варево в котелке мешал.

В ставень стукнула ветка. Тахар зевнул и рассеянно запустил пальцы в светлые волосы. Подергал отросшие пряди, недовольно поморщился: укоротить пора бы. Это эльфы волосья до плеч отращивают, а ему неудобно, если они начинают лезть в глаза и касаться ушей... Эх, вот разлить бы зелье по пузырькам, да отправляться спать – день-то был не из легких, голова гудит, а мыслей в ней не осталось вот совсем ни одной!

Но ночью бегунчик вылезает – а как не предпринять еще одну бесплодную попытку поймать вредные побеги? Да и завтра в постели до полудня не проваляешься: деревенский голова с утра созывает общее сборище.

Добро бы, что хорошее сообщил. Например...

На этот раз в ставень, похоже, ударило яблоко, только не было под окном ни яблонь, ни других деревьев, а были толь-

ко кусты сирени.

Маг вскочил и кубарем ссыпался по лестнице.

* * *

Алера ждала у входа, и как только Тахар выскочил за порог, повисла у него на шее с невнятными всхлипами. Прыжок для этого понадобилось совершить немалый: маг изрядно превосходил ее ростом. От наскока Алеры Тахара шатнуло к двери и болезненно приложило спиной о доски.

Ничего не поняв, он обалдело обнял девушку, в сумерках попытался заглянуть ей в лицо:

– Аль, ты что? Что случилось? Дедушка заболел? Э-э, война началась? Аль, что?

Она уперлась ладонями в плечи Тахара, отодвинулась, уставилась на него странно блестящими глазами:

– Ты хочешь жениться?

Маг опешил, несколько раз открыл и закрыл рот. Затравленно оглядел темный сад.

– Аль, я тебя люблю, конечно, но не так, чтобы жениться!

Алера вывернулась, зачем-то тоже оглядела сад. Не менее затравленно.

– Ты что, жабьих спинок объелся?

Тахар несколько вздохов смотрел на Алеру, потом на небо, потом потер лоб, подхватил подругу под руку и открыл дверь.

– Заходи в дом. Я тебе отвара налью, а ты расскажешь, что тебя покусало.

В доме еще держался стойкий запах сегодняшних бдений над котелком. После вечернего двора, где пахло летними су-мерками и петунией, дух жабьих спинок был невыносимо гадок.

Тахар поморщился, настезь отворил окно, завозился в поисках кружек – как будто Алера сможет что-то пить, когда голова чуть не лопается!

Искал он во всех местах сразу, и девушке казалось, что длиннющие конечности мага сей вздох завяжутся причудливым узлом, и друг поскачет дальше по комнате пауком, хлопая ореховыми глазами и продолжая заглядывать на все полки одновременно.

Алера принялась сбивчиво озвучивать дедовские соображения, перемежая их собственными мыслями и честно стараясь не сбиваться на панические всхлипы.

Тахару пришлось довольно долго успокаивать подругу, убеждая, что никто силой эльфов в Эллор не заберет, а не силой они сами с места не тронутся. И что Миры у них никто не отнимает, и что не выются вокруг друзей никакие хищные девицы. На самом-то деле Тахар вовсе не был уверен в равнодушии Элая и Раня к очарованию эллорских эльфиек, но Алере этого говорить, понятное дело, не стал. Разнесет еще чего-нибудь от расстройства, она это может. На самом-то деле, думал Тахар, ну какая разница – женатым в Миры ходить

или нет?

Только вот почему-то женатые не ходили. Никогда.

Алера, кажется, немного успокоилась – во всяком случае, больше не выглядела так, словно вокруг нее вдруг рухнуло все, что до сей поры стояло недвижимо. Она по своему обыкновению сидела на волчьей шкуре у камина, скрестив ноги и опершись спиной на сундук. Эта шкура была, кажется, девятой: Алера в задумчивости неизменно трепала волчьи уши, а потом, когда там шерсть кончалась – сопредельные шкурные части. Когда сквозь проплешины начинали просвечивать доски пола, Тахар отправлял истерзанное несчастье в помойку и притаскивал от скорняка новую шкуру. Зоркие соседи одно время подшучивали насчет подкаминной возни, от которой мог так истираться мех, в ответ получали посыл под лошадиный хвост и в конце концов умаялись состязаться в остроумии. Элай же говорил, что очередную истрепанную шкуру нужно просто выбросить, и пусть Алера взамен треплет за уши Раня, но шкура у камина лежала всегда, еще при родителях Тахара, и совсем ее выбросить было все равно что сделать вид, будто перестал помнить отца и мать.

– В общем, не переживай ты, – закончил Тахар и зачем-то поворошил золу в камине. – Если что-то и начнет меняться, то так, слегка, не больше, чем всегда. Когда что-то становится другим – это нормально.

– До сих пор мне так говорили, только когда вручали новые обязанности. – Алера щипала шерсть на левом ухе вол-

ка. – Да. Обязанности, ответственность и спрос, как с больших. Я что, я согласна, я ж не говорю, что мы дети до сих пор или что-нибудь такое. Но чтобы друзей терять при этом – нет, ты знаешь, ко бдыщевой матери вот это!

– Не блажи, – проворчал маг. – Куда мы денемся? Орим на тебя страха нагнал, прямо как на маленькую, в самом-то деле.

Алера помолчала и неохотно призналась:

– Я и до этого что-то чуяла. Будто зреет нечто, понимаешь, словно я сижу в доме, а с улицы гул несется, а мне изнутри непонятно – то ли гроза идет, то ли едет кто. А может, это сотрясение земли началось и все рухнет вот прямо сей вздох на голову.

Тахар пожал плечами.

– Если эти эльфы мне попробуют остаться в Эллоре, – мрачно закончила Алера, – я их просто утоплю в колодце.

– Это ты хорошо придумала, – невозмутимо согласился маг. – Друзья, утопленные в колодцах, не теряются. Ты всегда знаешь, где их можно найти.

* * *

В ночную вылазку Тахар Алеру все-таки выманил. Почти не кривя душой, утверждал, что ей нужно отвлечься от мрачных дум и развеяться на свежем воздухе – и вот же какая удача, сегодня они смогут заодно попытаться поймать бегун-

чик!

Об этом растении маг прочитал пару лет назад в одной книжице, большей частью состоящей из засаленных, потертых и вырванных страниц, но то, что удалось извлечь из читаемой части, подарило магу знания редкой ценности, и книжицу Тахар считал одной из самых удачных своих находок.

На бегунчик охотились сегодня, наверное, в сотый раз, а в предыдущие девяносто девять всегда уходили с полей ни с чем, если не считать за приобретение расцарапанные ноги.

Омерзительное подземное растение, обладавшее редкими кровоочистительными свойствами, выпускало усики наружу две ночи подряд по несколько раз в году, в теплую пору. Усики были необычайно чувствительные и, учуяв шаги, тут же ныряли обратно под землю. Та самая книга утверждала, что самый надежный способ изловить бегунчик – просто стоять и ждать, пока усик вылезет рядом с ногой травника, что рано или поздно должно случиться.

Может быть, так и ловили это растение степенные седовласые лекари. Но когда тебе семнадцать лет, то стоять среди поля в терпеливом ожидании совершенно невозможно, даже если ты – очень серьезный маг по имени Тахар, самый терпеливый среди всех своих друзей.

Носиться и красться за показавшимися на поверхности усиками – куда веселее.

– Ну что, – спросила Алера, – как обычно: не догоним – хоть согреемся?

Они стояли на краю луга, где бегунчик вылезал исправно каждую ночь в положенное время. Маг привычно сутулился, Алера чуть покачивалась из стороны в сторону, щурясь в темноту, растущая луна взирала на них равнодушно-снисходительно.

Оставалось лишь ждать, когда тонкие светло-зеленые побеги вылезут из-под земли, застынут, напрягшись, подрагивая, взхлеб хватая сладкий ночной воздух. А потом – подкрасться поближе, прыгнуть, упасть пузом наземь и схватить пустоту в том месте, где вздох назад струной покачивался побег. А потом придет середина ночи и бегунчик вновь спрячется до поры.

Друзья неторопливо шагали по лугу, оглядываясь в поисках первых усиков вредного растения.

– А ты веришь, что мы когда-нибудь его поймаем? – спросила Алера и пнула комок земли. Тот пролетел пару шагов, раскинув лапки, тяжело шмякнулся оземь и с обиженным кваканьем упрыгал в темноту.

– Ой, – смутилась Алера. – Я не нарочно.

– Бегунчик мы рано или поздно поймаем, – уверенно ответил Тахар. – Может, не теперь, а через пятьдесят лет, когда перестанем носиться по полям, а станем выползать в них по ночам, опираясь на клюки. А с лягухами ты понежнее, Аль. Вдруг какая-то из них возьмет, да и обернется заколдованным красавцем?

– Ты все-таки переел жабьих спинок, – покачала головой

Алера.

– Да нет, это байка. Известная среди магов байка про прекрасную магичку и зачарованного молодца, мне родители в детстве рассказывали.

– Давай ее сюда, – решила Алера, взглядываясь в тень. мелькнул там побег или показалось?

– Ну, дело было так, – охотно начал Тахар. – Одна очень молодая и талантливая магичка вскоре после окончания Школы вернулась в родные места к папеньке...

Побег под бревном в самом деле был. Алера стала подкрадываться, стараясь ступать как можно тише – а для бегунчика, наверное, звучало так, словно это не девушка в мягких башмаках крадется, а лошадь по брусчатке скачет. Побег скрылся еще до того, как она приблизилась на пять шагов.

– А отец ей и говорит: ты, мол, шесть лет непонятно где шаталась, внуков мне не родила, дело передавать некому, так что замуж тебе надо срочно, раз сама не хочешь семейным делом заниматься.

– А магичка что?

– А магичка как раз на предсказателя выучилась. Ну и, значит, дунула, плюнула: в какую, дескать, сторону мне надо отправиться, чтоб найти свою судьбу? Взяла коня да поехала туда, куда стрелка указала. Ехала, значит, магичка, ехала... ехала...

Лунный свет ярко осветил луг, и маг заметил побег в двадцати шагах, рванул к нему, пригибаясь, словно от это-

го движения были тише. Усик, словно издеваясь, дождался, пока маг подберется близко-близко, протянет руку и уже почти издаст победный вопль – и выскользнул из-под сомкнувшихся пальцев.

– Да чтоб тебя бдыщевый папа сожрал! – пожелал Тахар, поднимаясь и отряхиваясь. Пришло еще ведь в голову отправиться на охоту в приличной рубашке – чем он думал вообще?

– Так куда магичка приехала? – Алера дернула его за рукав.

– А на болота, – ответил Тахар раздраженно-зловещим шепотом. – Мрачное место, гиблое. Вокруг темный лес, над трясинной зеленый туман, птичка не чирикнет, ветерок не дунет, только ветки под лошадиными копытами – хреть, хреть!

Под ногой Алеры как раз что-то хрустнуло, и она схватила Тахара за руку. На ночном лугу вдруг стало неудобно.

– И что потом? – тоже шепотом спросила она.

– Из трясины вылезли багники! – рывкнул Тахар, хватая подругу за плечи. – И сожрали магичку! Разорвали тело белое, высосали кровь молодую! И коня сожрали, ни косточки не осталось! Вот тут и закончилась сказочка!

– Таха-ар!

– Ну ладно, ладно. Прямо к магичке на седло запрыгнул лягушонок. И давай человеческим голосом страдать на все лады: дескать, никакой он не лягух, а заколдованный молодец из обнищавшего знатного рода. Папенька его проиграл-

ся в кости подчистую, влез в долги, заложил родовой замок – ну а когда с ростовщиками не рассчитался, те на ведьму скинулись. Ведьма сына его и заколдовала в лягушку.

– В денежную? Чтоб искала оброненные монетки и долг выплачивала?

– Не, – мотнул головой Тахар. – В обычную болотную лягушку, чтоб слух разошелся среди других должников, и чтоб им неповадно было тянуть с платежами.

– И лягушонок хотел, чтоб магичка его расколдовала?

– Точно.

– А она знала, как?

– Ведьма обещала лягушонку, что заклятье спадет, если встретится ему женщина, и если она захочет, чтобы лягух перекинулся обратно в человека и стал ей мужем. Тогда женщина должна будет поцеловать лягушонка в хладный ротик, а тот сей вздох перекинется обратно в доброго молодца.

– И магичка его поцеловала? И жили они долго и счастливо?

Тахар поскреб макушку.

– Аль, вот ты представь: едешь по болоту, на тебя выпрыгивает незнакомая лягуха и говорит, что она – заколдованный наследник обнищавшего рода и что стоит тебе его поцеловать, как он расколдуется обратно и женится на тебе. И ты сможешь остаток жизни натирать щелоком его обнищавший герб, рожать ему детей и пищать от восторга.

– Я бы выкинула этого лягуха подальше в болото, – реши-

ла Алера.

– Ну и магичка выкинула. После чего вернулась к папеньке, засучила рукава и взялась вместе с ним управлять плантацией. И прорицательский дар ей кстати пришелся: засу-ху предсказывать или рост цен на репу. И жила она долго и счастливо.

Алера обернулась назад, проверяя, не прыгает ли следом лягух и не предлагает ли лобзать его в осклизлую пасть.

– А на других должников-то этот случай подействовал?

– Конечно нет. Какой идиот поверит в такое?

– И правда, никакой. Ах ты!

Побег вылез из-под земли в каких-то трех шагах от Але-ры, она, недолго думая, прыгнула, рухнула пузом наземь и зашипела от боли.

– Аль, а ты не хочешь рассказать Хобуру про свое при-ключение с Верреном? – спросил вдруг Тахар.

– Не хочу, – сухо бросила она после короткой паузы.

– А стоило бы. Односельчане в разбойничью шайку сби-лись, по большому-то счету. Об этом нужно рассказать голо-ве, разве нет? Ну и вообще, ты у нас пострадавшей стороной тут получилась...

– Пострадавшая сторона им глотки перерезала, – отмах-нулась Алера. – После этого я же пойду жаловаться? Брось. Да и я не маленькая, чтобы бегать к Хобуру плакаться, сама разобралась, и говорить тут больше не про что.

– Добро, а как насчет других, тех, кто глотки им перере-

зять не смог? Думаешь, Веррен с дружками в первый раз на такой промысел вышли? Ха! Да чтоб так обнаглеть и на тебя замахнуться, они должны были обнести всех тутошних подлетков!

– Ну вот подлетки пусть бегут и жалуются, – отрезала Алера.

И подумала, что никто никуда не побежит. Вот Рань даже друзьям ничего говорить не стал, а сама она и подавно про эльфа умолчала, когда рассказывала Тахару о произошедшем.

Было такое неписаное правило: не ныть о неудачах в Мирах. Ну и правильно.

– Так что, Аль, может, подумаешь об этом деле чуть дальше собственных хотелок, а? Озаботишься мыслями о других, не таких обученных и упертых, как ты, попытаешься представить, каково им-то приходится, когда на них насаждают, а они не могут дать отпор? Проявишь внимание, в кои-то веки сможешь другим по мере сил своих...

– Вот будет мне еще говорить про это маг, который учится сам, а не в Школе, – сердито перебила его Алера. – Все, не блажи, не буду ничего слушать!

Тахар пожал плечами, посмотрел на луну.

– По-моему, время вышло.

– А? Значит, все как обычно. Не догнали, согрелись, испачкались. Все как положено.

Тахар склонил голову, изучая полосы грязи на щеках Але-

ры, пятна на ее рубашке, выбившиеся из косы черные пряди, отливающие серебристым в свете луны. Алера упорно закрепляла волосы страшным приспособлением: полосой дубленой кожи с отверстиями и толстой деревянной шпилькой. Элай всегда ворчал, что однажды Алера насквозь проткнет себе голову этой жуткой деревяшкой, и пусть тогда она знает, что он печалиться не станет. Сам Элай, да и Рань тоже, использовали обычные лоскуты мягкой кожи, чтобы стянуть длинные волосы в хвост.

Не иначе, эту страшную штуку со шпилькой притащила Шисенна – молодая эльфийка, которой Алера приплачивала за помощь по дому, когда самой не хотелось лепить пирожки или доить козу – то есть почти всегда. Беготня по Мирам приносила достаточно денег, чтобы променять ее на нудную домашнюю работу, да еще кое-что откладывать. Шисенна была чуть старше Ал еры и куда домовитей, потому по-своему опекала ее на правах старшей подруги, открывала всякие маленькие женские секретики и пару раз даже пыталась привести Алеру в «состояние, пристойное юной красивой девушке». Тогда дом наполнялся запахом ароматной воды, перестуком скляночек, цветными лентами и прочими милыми вещицами. Итог усилий Шисенны действительно был достоин всяческих похвал, но в «состоянии, пристойном...» можно было только недвижимо сидеть у окошка, потому надолго в нем Алера не задерживалась. Шисенна в конце концов махнула рукой и рассудительно отказалась от попыток «при-

дать этому чудищу вид нормальной женщины».

Алера не возражала. Ей было приятно, что с ней возятся, она с любопытством перенимала всякие мелкие женские ухищрения, но весело признавала, что она – чудище.

– А сегодня я – свинья, – решила Алера после нескольких безуспешных попыток отряхнуть рубашку – грязь въелась намертво.

– Вот чудесная история, которая останется в моей памяти, – заявил Тахар, когда они уже шли по родной улице. – Как мы с прекрасной юной девой провели едва ли не полночи на лугу, валяясь на залитой лунным светом траве, когда наши тела обдувал теплый летний ветер...

Алера расхохоталась.

– Да я что, – Тахар скромно потупился. – Я так, шучу немножко. Вот эльфы вернутся – Элай тебе таких кренделей навешает на уши – это да, и это совсем другое дело будет!

– Элай славный, – помолчав, ответила Алера. – Только колючий... очень.

– Ты что, всерьез это говоришь мне? – удивился Тахар. – Ты скажи лучше, Аль, тебя можно сдать Ориму в таком виде? А то подумает еще... невесть что.

Алера отмахнулась:

– Иди уже домой, спаситель моей чести, проветривай свой дом от жабьих спинок. С утра соборище у рудника, помнишь? Не проспи.

– Так вы за мной зайдете, правда? – зевнул Тахар, чмокнул

подругу в щеку и, не дожидаясь ответа, исчез в темноте.

– Ну, теперь, конечно, да, – ответила ему вслед Алера, откинула привычно скрипнувший засов калитки и пошла к дому, где уже не светилось ни одного окошка.

Глава 2

Короткие сборища проводили в двух переходах от поселка, на поляне у заброшенного угольного рудника. Место было со всех сторон удачным: поляна большая – а в Лирме народа живет много, даже на небольшой городок хватило бы, если на сборище от каждого дома приходило всего по одному жителю – мало не казалось. Поляна с рудником была достаточно далеко от поселка, чтобы бабки-ворчухи туда не таскались; без их же причитаний все проходило не в пример быстрее: выслушали голову, обсудили услышанное да и разошлись по своим делам.

Потому каждый житель знал: если сбор назначен у рудника – речь о деле важном, но решенном: к примеру, будут зачитывать государев указ или еще какое-нибудь уложение. Хобур, поселковый голова, его прочтет, важно надует щеки – и можно расходиться по домам.

А когда обсуждали нерешенные дела – собирались на поляне у божемольни. Туда и бабки стекались, и мамки с младенцами, и детвора прибегала, временами приходилось до ночи судить-рядить, глотки рвать и спорить.

Жреца это очень сердило, потому что, говорил он, Божине не в радость слушать эти ваши дурные вопли и свары. Его собственные вопли, видимо, были Божине в радость – отчего бы еще во время занятий с детьми жрец так близко к сердцу

принимал их «отъявленную тупость» и орал, что желает в будущей жизни родиться троллем, чтоб с чистой совестью пожирать тупых детей.

Пока Хобур, ворчливый пожилой гном, карабкался на валун, селяне успели поделиться последними новостями и придать лицам выражение почтительного внимания. Шепоток понемногу стихал, взгляды устремлялись на голову, который уже почти одолел высоту.

Самые нетерпеливые из собравшихся уже начинали переминаться с ноги на ногу. В дому работы по горло, справиться бы, пока солнце не припекает! А денек-то какой хороший выдался: небо чистое, солнышко ласковое, ветерок едва-едва лица касается...

– Ну, значит, – пропыхтел Хобур и громко прочистил горло, – новость есть для нас. Не худая, навроде, вот послушайте да судите сами. По указу государеву, ежели все срастется, в скором времени начнет строиться неподалеку от нас полу... полно...

Гном порозовел, сплюнул и полез за пояс. Селяне настожились, принялись шептаться и переглядываться. Что там строить собрались такое, чего голова с двух раз выговорить не смог?

Тахар толкнул Алеру в бок и глазами указал вправо. Девушка тянула шею, поднималась на цыпочки, но разглядеть, что занимательного обнаружил друг, не смогла: обзор закрывали рослые односельчане.

Хобур наконец развернул бумагу, чуток засаленную, но хорошую, белую и плотную, даже с печатью, посмотрел в нее, жуя губами, и прочел:

– По-ли-гон. – Набрал в грудь побольше воздуха и на одном дыхании озвучил вязь: – «Полигон для выездных занятий младших учеников Магической Школы Ортая». Во как.

По толпе пронесся встревоженный гул. Школа магов находилась в городе Тамбо, в сотнях переходов к юго-западу от Лирмы. Чего ради им требуется вывозить учеников в такую даль, а? Не иначе – боятся Тамбо дотла сжечь своими упражнениями, а поселка, небось, не так жалко! Особенно далекого, чтоб никто и не прознал ни о чем!

– Что там? – шепотом спросила Алера у Тахара, который все зыркал в толпу, ухмыляясь.

Орим шикнул на обоих. Тахар начал было говорить, но тут же получил увесистого тычка.

– Значится, вот еще. – Хобур повысил голос: – Полу... полугон будет находиться не ближе, чем в двух переходах от Лирмы, что соответствует, – гном заглянул в бумагу, – соответствует установлениям о безопасности. От нас требуется принять представителя Школы через два дня и поселить его в избе какой получше. Еще сопровождающего выделить, чтобы, значит... сопровождал. Пока он место выберет для полугона. А дальше не наше дело, сами управятся.

Собравшиеся выдохнули и стали переглядываться. Тахар, воспользовавшись тем, что Орим отвернулся, подхватил

Алеру за бока и приподнял над толпой.

Веррена с дружками она увидела сразу: троица была приметна сумрачными лицами и тряпочными повязками на шеях. Тряпицы были пропитаны желтой мазью, вонючей даже на вид.

В Мирах невозможно было умереть: если путешественнику случалось получить серьезное повреждение, амулет вышвыривал его через портал, а сам переход подлечивал раны. Жрец говорил, что в этом состоит защитная магия Миров, а частица этой магии заключена в амулеты, которые нужны для прохода через порталы. Эта защита, как говорил жрец, выбрасывающая тяжелораненых путешественников через портал, просто помогает выдерживать природное равновесие. Потому как если бы в Мирах принялись помирать и разлагаться чуждые для них существа, это бы могло погубить все тамошние природные процессы, привести к непоправимым перекосам всех Миров и разрушению их до основания. Оставалось непонятным, почему живые и воинственно настроенные путешественники, вмешиваясь в природные процессы Миров, никак им не мешали.

Тахар заявлял, что жрец треплется, все несуразности поясняя «непостижимыми путями Божини», потому как любой портал, хоть мирской, хоть магический, при переходе залечивает раны, даже смертельные, до состояния «я точно буду жить, а если вскоре доберусь до лекаря – буду жить хорошо». В обычной жизни эта особенность порталов почти

не находила применений: редко когда смерть была столь любезна, чтобы почти случиться в подходящем месте. А вот в Мирах...

Тахар продержал Алеру на руках всего несколько вздохов, но она успела выхватить взглядом в толпе не только незадачливую троицу в повязках, но и еще кое-кого, и над толпой взвился радостный визг:

– Элай!

Тахар от этого вопля вздрогнул и разжал руки. Алера приземлилась пяткой прямо на ногу Ориму, и дед резво запрыгал на второй ноге, зычным басом поминая конские хвосты и бдыщевую мать. Соседи, довольные неожиданной забавой, расхохотались. Стоящие поодаль принялись вытягивать шеи, а Элай и Рань, судя по цепочке недовольных восклицаний и ругательств, пробирались через толпу к друзьям. Нежностью эти двое никогда не отличались.

– А еще, – последние слова Хобуру пришлось почти проорать, – после постройки полугона – ну, ежели он срастется! – все сборы и наложения для Лирмы будут снижены на четверть!

Новость решила дело: начинание было определено жителями как благое. Толпа одобрительно загалдела и стала рассасываться: каждый спешил первым донести до остальных посельчан радостную весть.

Алера, Тахар и Элай возвращались со сборища последними. Рань умчался помогать Суджаму, кузнецу, в избе которого было решено поселить школьного магистра, когда тот придет.

Привычное добродушие даже тут не изменило Раню, хотя по эльфам было видно, что они устали с дороги и не выспались. Синие глаза Раня и зеленые – Элая были сонными, белки их покраснели, и Тахар даже начал говорить что-то про упырей, тут же получил два тычка под ребра и умолк.

Наверное, более всего эльфы желали бы сей вздох завалиться в постель и проспять до заката. Но Рань воспринял неизбежное без жалоб: надо – значит, надо. Даже улыбаться не перестал.

Он пошел в подмастерья к кузнецу год назад в надежде, что удастся выведать у него секреты слияния Кристаллов. Суджам поначалу с тайнами не жадничал: показал, как сводить между собой круглые камни. Однако Рань, хотя очень старался, больше портил их, чем сращивал, и с тех пор, сколько он ни заводил разговоров о слиянии Кристаллов покрупнее, – на кузнеца нападала непрошибаемая глухота.

Видя его рвение, Алера тогда поддалась на уговоры и довольно долго с ним возилась в попытках объяснить особенности работы с более крупными камнями. Но ничего не вы-

ходило: до того вздоха, когда в работе хватало зорких глаз и терпения, Рань справлялся, но дальше дело не шло никак. Сведение Кристаллов требовало особого чутья, которого у Раня просто не было, и в конце концов Алера так эльфу и заявила со свойственной ей прямоотой, но тот и не подумал остановиться. И до сих пор не терял надежды постичь науку самостоятельно, тайно и добросовестно переводя на крошево все добытые Кристаллы. Если Алере доводилось это обнаружить, она страшно ругалась, а Рань сносил эту ругань с молчаливой бараньей упертостью, не оправдываясь и не возражая.

Орим зачем-то увязался за Хобуром. Остальные жители торопились вернуться к делам. Веррен и его приятели поспешили затеряться в толпе, но ни повязки, ни их прыть, ни злобные взгляды не остались незамеченными другими селянами – в том числе эльфами, и теперь Элай нетерпеливо дергал друзей за рукава, требуя объяснить, что произошло в его отсутствие.

По тропе друзья брели неспешно, смакуя подробности вчерашней стычки в Мире и сегодняшней новости. По деревянному мостику над безымянной обмелевшей речушкой, над зарослями камышей, над темной, мелкой, едва текучей водой. Мимо аккуратных полей, где уже колосилась пшеница и раскидывала ботву репа. Вдоль узких улочек с как попало растыканными домиками: где чуть не стена к стене стоят срубы, а где от дома к дому камня не добросить. Под рас-

кинувшимися над дорогой ветвями плодовых деревьев, под сочными зелеными листьями, яблонево́й завязью, зелено-розовеющими вишнями...

Сегодня друзья оценивали все события единодушно. Решили, что Веррен и его приятели получили хороший урок, но не помешала бы еще парочка. Некоторое время обсуждали, как бы намять им бока еще по разочку. Не всерьез обсуждали, а развлечения ради – никто не собирался отлавливать этих дурачков, да вне Миров и рука бы на них не поднялась. А что до Школы – и пусть себе приезжает этот представитель, и полигон пусть строят – нам дела нет, лишь бы не мешали.

Солнце взошло уже высоко и стало ощутимо припекать.

– Коней надо было взять, – пробурчала Алера, трогая нагревшиеся волосы. – Пока дойдем – у меня нос обгорит до самых пяток. А у Элая – уши.

Эльф фыркнул, но меряться остроумием по такой жаре да с недосыпа ему было лень.

– А ведь портал рядом есть, – напомнил Тахар. – В лесной Мир с озерами. Может, сходим? Искупаемся, рыбы наловим, фруктов пожуюм?

Алера покачала головой:

– В другой раз. Сегодня все радости мимо: Шисенна не придет, так что дом весь на мне. И там дел выше крыши, конечно.

– И за что ты ей только платишь, – проворчал Тахар. –

Посмотри вот, как здорово я устроился с Сартой: она приходит, когда нужно мне, а не когда захочется ей!

– Твоя Сарта готовит невозможную дрянь, – Алера закатила глаза. – Ты б сказал ей, чтобы прекратила переводить продукты и держалась подальше от печки. От ее стряпни у тебя хатник сбежал! Да небось не сбежал, а она же его и потравила!

– Чушь! – отрезал Тахар. – Хатник ушел раньше и вовсе не из-за Сарты!

– Не выставит он Сарту, – лениво процедил Элай. – Окажнства не хватит. Если уж у него достало дурости подпустить орчиху к готовке, так кто теперь осмелится ее остановить? Не-е, она так и будет травить его супами из земляных червяков, а он так и будет их не жрать и гроыхать костями на всю округу.

– Никаких не червяков, – возмутился Тахар. – Она из нормальных продуктов готовит! Я сам их притаскиваю!

– Да брось, из нормальных продуктов нельзя соорудить такую вязкую мерзость. Все то, что ты приносишь, Сарта втихаря хоронит за амбаром!

– За каким еще амбаром?

– Ну не знаю, за каким-нибудь, где копает земляных червей для своих кошмарных супчиков.

– Ну конечно, – проворчал Тахар. – Это не пироги вашей тетушки.

– Никакого сравнения, – с удовольствием подтвердил

эльф.

Родители Элая и Раня были Странниками, из тех, что бесконечно и неутомимо разъезжают по всему Идорису, лезут в горы, переплывают озера, бродят по лесам, составляют карты неизведанных мест и правят известные, легко воспроизведут на них мельчайшие речки и самые удаленные селения – но едва ли запросто вспомнят, на какой из карт находится то место, что они когда-то называли домом. Гильдия Странников целиком состояла из таких странных, увлеченных и по-своему счастливых людей.

Чего нельзя было сказать об их детях, зачастую в последний раз видевших родителей в беззубом младенчестве.

Элая и Раня воспитывала тетушка – то есть это они звали Анаэн тетушкой, а друг друга – братьями, хотя на самом деле их не связывали кровные узы. Клановых чувств для Анаэн оказалось достаточно, чтобы семнадцать лет назад взять под свое крыло двоих эльфят, еще не научившихся даже ползать. Родители обоих младенцев признавали только гильдийную солидарность, дети им страшно мешали, и они никогда больше ими не интересовались, да и вообще вряд ли помнили, где и у кого их оставили.

Анаэн растила мальчишек как своих. Под воспитанием она понимала главным образом хорошую кормежку, считая, что сытый эльф – добрый эльф, а остальное приложится. И нужно было очень здорово отличиться, чтобы получить от тетki ремня вместо ужина.

– А я сегодня дома толком и не был. – Элай зевнул. – Только приехали – тетка выскочила, в муке по шею. И где, мол, демоны вас носят, еще вечером ждала, идите оба как есть на сборище, а у меня пироги сегодня. А ведь спать хочется после дороги – сил никаких нет.

Тахар покосился на посмурневшую Ал еру и передумал спрашивать у Элая то, что хотел спросить. Успеется, прижмет он еще эльфов к стенке и выведает, сколько правды в словах Орима. Только не сей вздох.

– Ладно, Элай. – Тахар махнул рукой. – С тобой одним я все равно никуда идти не стал бы. Ты не думай, Аль, это только при тебе он ведет себя как бдыщев хвост, а когда тебя нет поблизости, этот эльф вырастает в целую бдыщевую задницу. С хвостом, разумеется.

Элай картинно раскланялся.

– Ладно, – решил маг. – Раз все сегодня заняты, то и я своими делами займусь. Нужно порядок в запасах навести после того, как его пыталась навести Сарта.

– О, дивная история: зелья и орк! – захлопала в ладоши Алера. – Ты ее зачем подпустил к своим склянкам, друг дорогой, жабьих спинок объелся?

– Да она не спрашивала. – Тахар почесал затылок. – С расвета, пока я спал, уборку затеяла. Ну и разложила там все по своему разумению: пузырьки по росту, травы по цвету... Котелок отчистила, божинина ж ты воля. Я понимаю, она добра хотела, только мне это добро с заду наперед теперь полдня

разворачивать.

Тахар укоризненно глянул на развеселившихся друзей, махнул рукой и тоже улыбнулся:

– Ладно, что там. Ничего не переколотила – и хорошо. А порядок там навести и правда давно пора, так что буду считать это недоразумение счастливой возможностью. Давайте вечером в таверне соберемся?

– Одолеет тебя жажда питья окаянного, – нараспев произнесла Алера, раскинула руки, подставила лицо солнцу, – загубит жизнь молодую варево горькое! И утащат тебя бдыщи в реку медовую!..

Элай расхохотался.

– Да при чем тут варево? – возмутился маг. – Я поесть хочу нормально! А ты прекрати, наконец, жреца передразнивать. Услышит – уши тебе вытянет не хуже эльфийских!

* * *

Если существовала на свете возможность увидеть застывшую, овеществленную магию, то она была облечена в форму Кристаллов.

Эти небольшие разноцветные камни, чуть больше ногтя размером, в сущности, и были вместилищем постоянно действующей магии; каждый Кристалл нес в себе одно воздействие, тем более сильное, чем больше граней было у камня.

Алера задумчиво рассматривала молочно-белый плоский

камешек с неровными пятью углами, когда в каморку вошел дед. Встал в сторонке, тревожить не решился. Один раз вот так окликнул, когда внучка ковыряла железкой Кристалл, – и камень прыснул осколками.

Слияние Кристаллов – трудная наука, сама сродни магии, но именно магам она не покоряется никогда, а от других требует знаний, ловкости, удачи и такого особенного, тонкого чутья, которое мало у кого встречается. А еще нужен зоркий глаз и твердая рука, ведь не так просто распилить ровненько по граням два камня, при этом не затронув середину, а потом соединить так ровнехонько, не промахнувшись ни на волос, чтобы две сердцевинки совпали тем единственным образом, которым могут совпасть, и тогда вокруг них начнет нарастать новый прозрачно-непробиваемый слой, а сросшийся камень получится крупнее и сильнее.

А еще и разные Кристаллы требуют разного подхода, и никто не скажет, насколько эту разницу требуется знать, а насколько – чувствовать.

Каморка, где Алера возилась с Кристаллами, могла бы навечно поселить ужас в сердце Шисенны или любой другой ценительницы чистоты и порядка, но ключ Алера носила с собой. И ей было здесь очень уютно, потому что каморка была теплой и тихой, а запах застарелой пыли – ничто для человека, побывавшего в доме Тахара, когда тот варит зелья.

– В ногах правды нет, – подала голос внучка, мимолетно улыбнулась деду и отложила Кристалл.

– А том месте, откуда они растут, прям так вся правда и скопилась, – проворчал Орим, придвинул ногой расшатанный деревянный стул и пристроился на жестком сиденье. – Что ты смурная, ясочка, случилось чего?

– Да просто камень непонятный. – Алера постучала ногтем по Кристаллу. – Стопку манускриптов перерыла – так и не поняла, для чего он. Точно не магический – вот и все, что я могу сказать. И что с ним делать? Себе оставить пока или Раню отдать, пусть развлекается?

Дед покосился на полки за спиной внучки, где валялись целые груды «пока оставленных» Кристаллов. Алера развела руками: а что я могу поделат, если некоторые камни не могу никому отдать или продать, вот просто потому, что не могу?

К тому же временами очередной пыльный свиток раскрывал тайну какого-нибудь камня.

– Вы все четверо и так Кристаллами обвешаны – дальше некуда, – добродушно сказал Орим. – В жилетке у тебя их сколько, три? В мечех по два...

– А разве тебе не спокойней, когда я ими обвешана? – усмехнулась Алера.

Она прекрасно знала, что дед тревожится за нее всегда, но вслух этого не скажет даже под страхом смерти. Поразмыслив, подкинула Кристалл на ладони и сунула в кошель.

– Отдам Раню. Может, он разберется.

– Интересный он парень, Рань-то, – заявил вдруг дед. Сложил руки на груди, уставился на внучку.

– Чем это он интересен?

Орим помолчал. В самом деле, что интересного можно сказать о добродушном улыбочивом эльфе? Что нового можно сказать о нем человеку, который провел рядом с этим эльфом семь лет?

– Вы четверо с самого детства были очень одинаковые, ясочка, вот поэтому вы и стали быть вместе. Но еще вы чем-то и разнитесь – потому вам бывает непросто друг с дружкой. Но вы трое – вы точно знаете, какие вы есть, а Рань – нет, он не знает. Он с самого детства примеряет на себя шкуру каждого из вас и не может обжиться в этой шкуре, понимаешь? Он все рвется переплюнуть каждого из вас троих в том, в чем вы особо хороши, хорошее прочих. Зачем-то ему этого очень хочется. Он не состязается с тобой в мечном деле, которому вы оба добротнo обучены – он рвется перещеголять Элая в стрельбе из лука, хотя даже слепому котенку понятно, что Элай – прирожденный стрелок, а из Раня лучник – как из меня плясунья. Он пытается совладать с Кристаллами, потому что это можешь ты – но у тебя есть способность к работе с камнями, есть большой талант, а у него – нет никакого таланта. Он делает хорошие обереги, чего никто из вас не умеет – но не считает это дело чем-то серьезным, а вместо этого выматывает жилы над Кристаллами, которые ему не даются. Суджам говорит, Рань и зелья варить пытался, не иначе, наглядевшись на Тахара. Всю кузнию провонял, получил по шее и унялся.

Под взглядом Ал еры Орим умолк. С годами ее невозможно черные глаза стали такими пытливыми и умными – просто страх иногда брал, когда она вот так глядела в упор, будто видя за каждым сказанным словом – десяток несказанных.

– Откуда у меня эта способность?

Орим моргнул. Алера смотрела, не моргая.

– У Элая есть талант к стрельбе из лука – это у многих эльфов так. Тахар маг – потому что магами были его родители. Рань умеет всего понемножку, тут не разберешь. А у меня откуда способность к сращению Кристаллов?

Орим опустил взгляд. Начинается. Алера тихонько постукивала железякой о столешницу, задумчиво глядя на следы, которые оставались на деревянной доске. Тук-тук. Тук-тук.

– Способности не появляются сами по себе, они берутся откуда-то. Ты не занимался Кристаллами. Бабушка была магичкой, мама тоже, а маги не умеют сращивать Кристаллы. Остается отец. И вы с Истри так нежно меня оберегаете от всех историй о нем, что это уже просто не смешно. Я не маленькая, дед, но я почему-то до сих пор не знаю, кем он был и куда подевался. Да и о маме, если на то пошло, я не знаю почти ничего. Только то, что она случайно убила всех своих друзей, а потом умерла сама, бросив тебя выкручиваться как знаешь.

Орим вздохнул. Сколько можно молчать-то, в самом деле? Это все Истри, хатник. Это все он торочит, что Алера еще слишком дитя, чтобы слушать такие мрачные истории.

Хотя дитем она перестала быть, пожалуй, лет пять назад. Во всем, что не касается Миров и друзей.

– Я не знаю, ясочка.

Орим набрал в грудь побольше воздуха и решил выложить все как есть, а если Истри что-то не понравится – пусть засунет себе ложку в пасть и сидит тихонечко.

– Когда Ташуя уезжала в Школу после последней отвязки, мы поссорились. Она хотела закончить учебу и податься в путешественники.

– То есть, в Странники?

– Нет. Странники ездят по шести краям Идориса, а Ташуя хотела путешествовать по Мирам. По всем, какие только найдутся, хотела исследовать все Миры в Ортае, а потом отправиться в Гижук. Хотела составлять их карты, как Странники, да, тьфу! Говорила, у Миров есть какой-то секрет, и они вместе с друзьями собираются его разгадать. А я-то думал, она выучится и вернется в поселок гласницей, вместо Шеля.

Орим потер лоб, снова вздохнул.

– Ташуя... она болела Мирами, она вся была в них, прям как ты. Все, что делала, чему училась – для новых путешествий. Магическая Школа – это для нее, оказывается, был только способ, только возможность для чего-то большего, а для чего – Божиня ведает, Ташуя со мной не откровенничала никогда до того дня, я и не знал, что учиться она уехала только ради этой глупости. Какие там секреты могут быть в

Мирах? А ведь Ташуя была уже взрослая, совсем взрослая, и все равно хотела быть там, а не здесь, как оказалось, а я... я не хотел отпускать ее, понятное дело.

Алера молчала.

– Их было семеро, друзей-то. Таких же ненормальных, из Школы и окрестностей. И в последний год учебы Ташуя вышла замуж за кого-то из них. Я не знаю, за кого, я в глаза никого из них не видел, а она – она прям как ты была, не откровенничала никогда, даже с матерью. Все в себе держала, все втихушку строила. Не нужны ей были ни советы, ни одобрения, как чего решит – хоть лопатой по хребту ее чеши, а не отступится. Говорю ж, прям как ты, только ты еще упертей... Словом, после той отвязки мы не виделись, а вернулась домой она после окончания Школы, перед родами.

Орим замолчал.

– Вернулась одна, – нетерпеливо подсказала Алера.

– Одна, – мрачно проворчал дед. – Почти не разговаривала, ходила тенью. Только сказала, что умрет, а ты важна. Потом родила тебя и умерла.

– А мой... отец? И остальные ее друзья...

– Она убила их. Незадолго до твоего рождения. Что-то приключилось, им закрылся проход в Миры – я б так сказал, что давно пора, они ж совсем уже были взрослые, но вот закрылся он только тогда, в последний год. И они немедля рехнулись всей кучей, к такой подлянке они ведь готовы не были! Ну и Ташуя надумала, что может переместить их в Мир

через обычный магический портал, потому как Миры – места бесхозные, позволения ни у кого просить не надо, что-то там такое.

– Значит, не получилось.

– Не получилось. И шарахнуло, выходит, так, что всех их разорвало в лоскуты. Кроме Ташуи, она ни царапины не получила, но только она все равно умерла вместе с ними со всеми.

Алера покачала головой. В столе уже было проверчено несколько десятков крошечных лунок. Что за дурацкая история! Как дед может говорить, что она похожа на мать? Она бы никогда не сделала такой глупости, не подвергла бы друзей опасности, проверила бы свои идеи на какой-нибудь мышке или свинке... хотя, нет, не проверила бы, животные ведь не могут проходить через мирские порталы, но... Все равно, она бы что-нибудь придумала, она бы не была такой самоуверенной идиоткой! И друзья Ташуи были ничем не лучше, получается, раз позволили ставить на себе такие опыты!

– И вот теперь я прошу тебя: приглядывай за Ранем, – снова заговорил Орим. – Очень увлеченные придурью люди способны... на многие поступки, опасные и глупые. А Рань – да, он добрый и, да, он хороший друг, как я понимаю, но ему очень сильно, просто невыносимо хочется стать особенным.

– Ты же сам сказал: он всегда этого хотел. До сих пор никто не пострадал из-за этого.

– Ну да, ну да. Только семь лет назад или даже два года назад можно было думать, что он развернет коней и перестанет стараться переплюнуть всех на свете, что ему надоест или он поймет... Поймет, сколько дано ему самому, примет собственные таланты как ценность, а не как лишний груз. Но вот теперь я вижу: если ему выпадет случай выбрать меж вами и чем-то другим, что поднимет его над вами – так он долго колебаться не будет.

– Его жизнь. – Алера взяла со стола кошель, затянула шнуровку. – Его жизнь, его выбор.

– Жизнь его, – согласился Орим. – А друг он ваш.

– Все в порядке будет, – уверенно заявила Алера и поднялась из-за стола. – Если Рань променяет нас на какие-то гонки за тучами – мы очень расстроимся и оторвем ему голову. А с оторванной головой не так просто возвыситься над кем бы то ни было, правильно я говорю?

* * *

– Вы когда-нибудь слышали о барде по имени Сокре? Говорили, он умер два года назад во время мора в Меравии. А третьего дня я видел его в таверне Килара, так знаете, очень хорошо он выглядит для того, кто уж пару лет как мертв!

В таверне сегодня было не слишком шумно, но жара никак не спадала, и посетители отважно сражались с ней при помощи ледяного ячменного эля. А вот есть по жаре не хоте-

лось даже Тахару – к большому огорчению хозяина трактира, который воспринимал тощих гостей как личное оскорбление.

Трактирщик радушен был искренне и безмерно, сам жевал не переставая, пожалуй, даже во сне, а полученные от этого формы шара использовал как довод, что кормят тут сытно, вкусно и с фантазией. И да, это было правдой.

– И не смей при мне о государе плохо говорить! – бросил он кому-то на ходу и воинственно закинул полотенце на плечо.

Чтобы трактирщик не слишком ворчал, друзья взяли к элю вяленого мяса, но трактирщик, конечно, ворчал все равно. Он всегда был страшно огорчен, если ему не удавалось накормить Тахара от пуза, и, перекатываясь мячиком по залу, искренне и непрестанно причитал о гостях, которых можно прятать за ухватом и которые своим видом заставляют прочих посетителей думать, будто тут плохо кормят.

Друзья привычно посмеивались: в зале сегодня были только жители поселка, которые прекрасно знали, что кормят тут великолепно, и которым было безразлично, как выглядят люди за соседними столиками.

– Вы чего так в Эллор зачастили, други ушастые?

Элай сделал вид, что не слышал никаких вопросов. Рань улыбался и разделял на полоски вяленое мясо. Алере хотелось взять их за плечи и хорошенько стукнуть лбами – вообще-то ей все время хотелось так сделать, но иногда эльфы

этого действительно заслуживали.

Во всяком случае, Элай. Самоуверенный, нахальный и шипучий, точно квас.

– Таха-ар! – неожиданно и гулко проревело вдруг над головами.

Рань и Элай едва успели отодвинуться на лавке, и между ними тяжело бухнулся пекарь. На стол плеснул эль из его кружки.

– Тахар! Я говорил тебе, что ты замечательный маг? Нет? Ты замечательный маг! Твоя настойка из одуванчиков вааасхи-ти...тельна! Ну просто вааасхититель...на! Ты просто... ну... маг!

Тахар рассмеялся. Магией он всерьез занимался уже года четыре – пусть без всяких там Школ и наставников, но книг, Карт, ума и таланта хватало на многое. А зелья готовить и вовсе мимоходом выучился – как-то вроде и не всерьез. Однако не только местный лекарь, но и городские уже не раз предлагали взять Тахара в помощники, уверяя, что при рождении Божиня поцеловала его в темя и вложила в одну руку котелок, а в другую – ступку и пестик. Тахар отшучивался, что после этого Божиня на всего младенца положила еще и лень. Сварить зелий для лекарей он никогда не отказывался, но на постоянную работу не соглашался.

Элай отодвинул блюдо с мясом подальше: с пекаря сталось бы сожрать чужую еду и потребовать добавки.

Алера легонько толкнула Раня в бок:

– Эльф, а эльф!

– М-м? – отозвался тот, старательно не отводя взгляда от пекаря.

Тот как раз пытался заплетающимся языком объяснить Элаю, для каких целей использовалась тахарова настойка. Элай не понимал, веселят его эти подробности или вызывают тошноту.

– Ра-ань! – сердито прошипела Алера.

Тот понял, что не отвертеться, обернулся со всегдашней улыбкой – длиннолицый, остроносый, с извечным чуть виноватым взглядом.

– Да? Что, Аль?

– Почему эльфы не женятся на людях?

Рань всегда смотрел на нос собеседника, на его ухо, в сторону – куда угодно, только не в глаза. Особенно – не в глаза Алеры. Но теперь он вскинул на нее удивленный взгляд и тут же смешался еще больше.

– Потому что у нас дети не рождаются.

Алера призадумалась, потроша мясную полоску на волоконца. Пекарь продолжал орать и колотить кружкой по столу.

– Ваша тетка говорила, что твой отец – человек. И что, тебя имбирные эльфы подкинули на порог?

– Так отец, а не мать, – принялся растолковывать Рань. – Эльфийки могут выйти за человека или эльфа, и у них рождается эльф. А у нас с человеческими женщинами детей не

получается. Ты что, не знала? Ты по сторонам не смотришь, что ли?

Алера пожала плечами. В Лирме было несколько смешанных семей с детьми-эльфятами, но только теперь она поняла, что не случайно во всех этих семьях людьми были именно мужчины.

– Значит, женитесь вы только на эльфийках, – медленно повторила Алера.

– На дриадах еще, – добавил Рань поспешно. – Тогда мальчики получают эльфами, а девочки – дриадами.

Алера кивнула. С дриадами ясно, они с любыми расами паруются: своих мужчин у них нет. Про это ей было известно, хотя в Ортае почти не встретишь дриаду: между Ортаем и Даэли – целое море, да и не любят дриады вылезать из своих лесов. Сидят себе там тихонечко, растят грифонов, дружат со всякой нечистью и кружевные вещицы плетут, очень красивые вещицы, у Алеры было несколько таких.

Но у себя в Даэли, как говорят, дриады охотно принимают гостей, особенно мужчин, хотя не так уж много находится охотников нарочно переться ради этого за море и бродить по лесам, полным кусачих неведомых зверушек. И еще, говорят, у них там совсем нет городов, и даже столицы нет, одни сплошные поселения среди деревьев, а сами дриады – не мшистые и не зеленые, как бабки треплются, а вовсе даже обычные женщины, только глаза у них золотисто-зеленые и огромные... Как бы то ни было, насчет дриад можно не бес-

покоиться, едва ли какая-нибудь из них забредет в Лирму. Вот с Эллором и эльфийками все вовсе не так ясно!

Пекарь, судя по всему, не удовольствовался рассказом и намерился показать Элаю часть тела, на которую столь благотворно воздействовала настойка из одуванчиков. Эльф ругательно возражал и поминал бдыщеву маму, но помогало это мало. Вмешался Тахар, ловко переключил внимание пекаря на кувшин с элем.

Алера снова обернулась к Раню:

– Слушай, эльф, я тут в одном Мире встретила троих ребят – так они сказали, что имели счастье ограбить тебя на Кристаллы. Так пока Тахар и Элай не слушают – ты не хочешь мне рассказать историю, а? Мне как-то, знаешь, трудно поверить, что у них все получилось, а мы ничего не узнали.

Эльф отвел взгляд.

– Рань!

– Ну что Рань? – он хмуро покосился на ухо Алеры и вздохнул: кажется, не отстанет.

– Я не отстану, – подтвердила она.

Рань отхлебнул эля и принялся каяться:

– Я в дальний портал прыгнул, который у мельницы...

– В лесной нехоженный Мир? Один? Вот ты молодец!

– Восьмигранники найти хотел.

Алера посмотрела в потолок и одними губами сказала: «Идиот».

– Полдня там бегал. Ну и мир лесной, да, сложно там. По-

нимаешь, какой я был, когда к порталу вышел?

Алера только рукой махнула. Странно, что вообще вышел. Мог бы и выползти, причем не весь.

Трудно в любых новых Мирах: пока все тропы не выучишь, пока не узнаешь, где магоновы стоянки разбиты, где ящеровы кладки находятся – смело можешь из-за любого куста ожидать стрелы в пузо, а за любым изгибом тропинки можно встретить что-нибудь тупое и голодное. А когда Мир лесной, когда мало что видно за густыми зарослями – о чем говорить? Ясное дело, опасно. Понятно, что одному ходить не стоит.

Но полез же. Идиот.

Рань долил эля в кружку, отпил:

– Ну вот... Тяжко было совсем, дурным делом думал, что проще пузом на меч насадиться и амулетом уйти, чем до портала тащиться... Но дотащился. А там они. Не мог я уже дергаться, ну совсем не мог, правда. Еле ноги волочил, перед глазами кровавые кролики прыгали...

Алера бросила на стол окончательно размочаленное мясо.

– Ладно, теперь я понимаю, почему у них все получилось.

Но отчего ты нам не сказал ничего?

– Потому что мне не так уж сильно нужно слышать от тебя, какой я идиот. Я и сам это знаю, понятно?

Алера подняла голову, поймала вечно ускользающий взгляд Раня.

– Почему вы таскаетесь в Эллор?

Три-четыре вдоха они играли в гляделки, потом Рань разворошил длинные пряди, обнажая ухо:

– Аль, ты если не замечала – мы эльфы.

Наступившую тишину нарушил гулкий стук: окончательно опьяневший пекарь уронил голову на стол и со счастливой улыбкой погрузился в беспробудный хмельной сон.

Глава 3

Следующим утром Суджам так нагрузил Раня работой, что к полудню у того отнимались руки. Элай мимоходом продал заезжим эльфам три больших лука, выслушал множество восхищенных откликов и, охваченный сознанием собственного запредельного великолепия, не мог взяться ни за какое дело. Местный лекарь неожиданно отменил у Тахара заказ на кроветворные припарки, и теперь маг не мог решить: все-таки сварить их про запас или отделить травы на другие зелья. У Алеры с утра просто все не ладилось: забыла закрыть цыплячью загородку, ведро оборвалось и ухнуло в колодец, нос вчера сильно обгорел, покраснел, чесался и шелушился.

И вот так, сбежав кто от работы, а кто от безделья, друзья столкнулись у дома гончара и решили навеститься в какой-нибудь из ближайших Миров.

По пути и за порталом тоже Рань без умолку трещал о Кристалле, который ему вчера отдала Алера. Эльфа распирало от гордости: он, в отличие от некоторых шибко умных, сумел установить природу камня. Пришлось долго копаться в собственной коллекции замызганных манускриптов, но в конце концов было определено, что Кристалл помогает справиться с отравлением муравьиным ядом. А муравьи, что водились в скалистых Мирах, нередко вымахивали размером с мышь. Если такое чудовище кусало путешественника – тот

маялся от боли и опухоли много дней, так что Кристалл оказался очень даже полезным для странствий, и Рань не зря так гордился собой. Понятное дело, что Кристалл у него никто отнимать не станет и теперь он, единственный из четверых, обладает такой редкой и полезной вещцей.

Сегодня язвить в ответ не стал даже Элай: слишком умиротворяющим был этот Мир. Степные травы с пряным запахом, ярко-голубое небо в пушистых облаках, свежесть от близкой реки, низкое гудение пчел – те тоже сегодня были ленивы и близко не подлетали.

– Знаешь, Тахар, – убедившись, что Элай и Рань не слушают, тихонько зашептала Алера, – я вот сегодня чистила свеклу и много думала.

Маг расхохотался так, что привлек внимание не только Элая и Раня, но и всех недружелюбно настроенных существ, которые могли шататься по округе.

Алера смутилась и отвернулась. Тахар прочистил горло, пробормотал что-то извиняющееся, но Алера только фыркнула.

Через некоторое время, когда над васильковым полем неожиданно вспорхнула огромная красно-желтая бабочка и эльфы принялись спорить, похожа ли она на бабочек Элнора, Тахар снова обернулся к Алере:

– Так что ты надумала?

– Ничего, – Алера отвернулась.

– Аль.

– ...

– Аль!

– Ну... По-моему, мне нужно куда-то поехать.

– Аль?

– Да что ж такое... Слушай, я не знаю, я ничего не знаю, понятно? Просто мне тревожно, не сидится, все как будто чего-то ждётся. Дед мне жуткие вещи рассказал про маму, ну то есть они больше дурные, чем жуткие. Но я теперь думаю, что как будто иду за ней по пятам, а я не хочу ни по чьим пятам идти, ясно?

Маг поскреб макушку.

– Ясно. И теперь, значит, ты хочешь, чтобы было не так? А как?

– Тоже не знаю. Вообще-то, я хочу, чтобы осталось как есть, потому что мне нравится так, как есть! Но чтобы стало еще и по-другому, вот чего. По-моему, мы должны что-то найти.

– А по-моему, тебя просто пороть некому, Аль, – невозмутимо решил Тахар. – Если бы ты была не такой нахальной, то лучше бы понимала цену всего вокруг и могла сообразить, что из этого «вокруг» тебе нужно на самом деле.

Алера посмотрела на Тахара сердито, но на него эти штуки не действовали.

– Ладно, а вот ты знаешь, чего тебе нужно от жизни? Ты же должен знать, раз такой умный и вовсе не нахальный!

Тахар ответил сразу:

– Знаний, Аль. На самом-то деле учиться магии без наставников – вовсе не просто, мне столько еще нужно понять, столькому научиться, а я пробираюсь ощупью, наудачу, я никогда не знаю, каким должен быть следующий шаг, куда он может привести меня, да и шаг ли – то, что я делаю. И мне бы хотелось получать знания... просто так, когда мне это нужно, ну, чтобы была такая книга, например, где все описано, о чем ни спроси. Даже про свое воздушное начало я не так много могу понять ощупью, а уж про другие-то...

– Но ты же обращаешься к другим началам вовсе даже запросто! Вот Сеть твоя любимая, она жжется, а не дует в ухо, значит, это магия огня, а не воздуха...

– Нет никакой магии огня, – перебил Тахар. – Огонь не может быть началом, он ничего не порождает, это лишь воздействие. Ну, в общем, я хочу сказать, что просто слишком мало знаю о тех вещах, которые использую.

– Знать все было бы страшно скучно. – Алера дернула плечом. – Протяни руку – получишь. Пожелай – обретешь. Никаких ожиданий, надежд, замираний сердца... Тоска смертная.

– Тоска, – признал друг. – Но, знаешь, в том, что касается магии, я бы потосковал немного.

Они прошли через васильковое поле, стали спускаться к реке. Солнце стояло высоко, все вокруг цвело, шелестело и пахло сладко-пряно, под облаками танцевала стайка птиц. Здесь, за порталом, было куда тише, просторней и, между

прочим, прохладней, чем в родном поселке. И еще сам воздух был иным, легким, чистым, почти живым, он дразняще щекотал нос и обещал удивительные приключения. И путешественники в них верили, даже зная, что этот Мир – один из самых спокойных и малонаселенных, да к тому же исхоженных вдоль и поперек.

– Если бы была такая книга, где сидят все знания, – добавил вдруг Тахар, – ты бы могла узнать, что за великие дела тебе начертаны. И успокоиться.

– Успокоиться? – прищурилась Алера. – Вот еще! Тогда бы все, наконец, только началось! И для вас тоже. Тахар, ты же не думаешь, что вы сумеете отвертеться?

– Вот уж нет. – Тахар мотнул головой. – Этого мы точно не сумеем.

– Я думаю, мы должны что-то найти, – повторила Алера.

– А я думаю, ты ничего не знаешь на самом деле, – спокойно возразил Тахар, – и ничего не чувствуешь. Ты просто тревожишься не пойми с чего и пытаешься угадать... Но, как бы там ни было, мы будем рядом. Мы же всегда рядом.

Через полперехода, как раз у поворота к давно облюбованному песчаному берегу, вагоны друзьям все-таки встретились. Или они встретились вагонам. Во всяком случае, первый удар нанесли коренные обитатели Мира.

Рань рухнул, сбитый с ног гигантским дымным кулаком, вагонов маг с торжествующим воплем выскочил из кустов. Тахар тут же швырнул в него загодя подвешенную на руку

Сеть, и пока магон с воплями дергался между жгучими ячейками, Элай успел выпустить в кусты две стрелы, а Рань, даже не поднимаясь на ноги, – метнуть кинжал.

– Вы злодеи, – проворчала Алера, возвращая клинки в ножны. – Я бы даже приблизиться не успела. Растеряешь с вами все умения от безделья.

– Великодушно позволяю нашей злыдне забрать что-нибудь одно из любой котомки, – шутливо поклонился Элай и отправился к кустам, из которых торчала недвижимая серая пятка.

Алера пожалала плечами, посмотрела на тело магонового мага, местами прижаренное Сетью, местами облитое кровью, присела, потащила котомку из-под его тела, запустила туда руку и, удивленно хмыкнув, потянула наружу что-то объемное. Добычей оказалась книга, на которую всю дорогу до бережка хищно косились Тахар и Элай.

Настоящая небольшая книга, не какой-то там чахлый манускрипт! Сшитая жилами, обернутая в кожаный переплет. Вязь была мелкой, с многочисленными завитушками и вензелями. В книге оказались даже маленькие картинки! В обычное время Рань бы тоже косился на нее жадным взглядом, но в этот день он был занят иным: тихо ругал магонову маму, плевался кровью и ощупывал десны языком. От удара дымного кулака, как бы глупо это ни звучало, у Раня раскололся зуб.

Никто не мог сказать, откуда у магонов брались книги.

Магоны ведь были совсем дикими и даже не разговаривали – во всяком случае, гортанные выкрики сложно было посчитать за нормальную речь. И уж тем более – за общую, на которой говорили жители Идориса. Тем не менее у магонов попадались книги и манускрипты, написанные общей речью. Как будто Странники, которые в свое время и распространили этот говор по всем краям Идориса, добрались и за порталы... Что было бы не так уж странно, но ведь каждый знает, что порталы появились меньше ста лет назад, а многие книги, что попадались у магонов, выглядели куда старше.

Или просто хотелось думать, что они старше.

В любом случае – это была книга. Алера, присев на теплый песок, вертела ее в руках, изрядно потрепанную, увесистую. Тахар вытягивал шею, пытаясь разглядеть название. Рань, смирившийся с потерей половины зуба, тоже заинтересовался книгой, даже сделал попытку выхватить ее, но потерпел неудачу и тычок под ребро. Даже Элай посматривал заинтересованно.

– «Виды сберегателей», – наконец прочитала название Алера и принялась листать книгу. – Кто такие сберегатели?

Тахар пересел поближе. Знал, что Алера не терпит, когда в записи глядят через плечо, но картинки смотреть не возбранялось. Отсюда они были немного видны.

Рань уже давно грел Алере второй бок, уткнувшись в разворот почти что носом. Вязь разобрать было сложно – из-за чрезмерной витиеватости и засаленности страниц, да еще

солнце светило слишком ярко, и блики на воде тоже были очень яркими.

– Гении, – прочитала Алера, потерла плечом ухо. – Вид заботливых сберегателей, приставленных к предмету, месту либо живому существу. Преданные хранители, которым дано определять наклонности хозяина или особенности места. Принимают вид существа или предмета, что отвечает наклонностям и устремлениям хозяина».

– А я знаю, я знаю! – воскликнул Тахар. – Элаев гений – бдыщевый хвост! Хво-ост!

Разваливавшийся рядышком эльф открыл глаз, презрительно посмотрел на Тахара и снова стал делать вид, будто дремлет. Под облаками разорались птицы.

– «Гений может вдохновлять хозяина, указывать ему на знания, истину и цель, наделять особыми способностями и другим образом оказывать покровительство...» Эй, я хочу себе такую зверушку!

Маг усмехнулся, разглядывая картинку. Либо у художника было больное воображение, либо его хранила жуткая погань из жеваных щупалец. Во всяком случае, себе такого сберегателя Тахар бы не пожелал. Предстанет еще перед тобой, не приведи Божиня, – зайкой сделаешься.

Алера пролистала несколько страниц, наткнулась взглядом на картинку, покраснела и отвернулась, смущенно дергая страницу. Рань тоже посмотрел и порозовел, но глаз не отвел.

Тахар воспользовался случаем и схватил книгу. На картинке была изображена фигуристая обнаженная женщина с небольшими бараньими рожками. В довольно смелой позе изображена, надо сказать.

– «Ночница. Сберегательница, соблазняющая молодых, вызывающая у них сладострастные желания. Не может быть причислена к заботливым либо вредоносным сберегателям, некоторые исследователи вовсе не причисляют ночницу к таковым, считая ее особенным видом видений...» Хорошенькое видение!

– Таковую зверушку хочет себе Тахар? – не открывая глаз, поинтересовался Элай.

Рань залился краской. Тахар показал эльфу что-то на пальцах, хотя тот не мог видеть.

– «Чары сберегательниц не действуют на гномов и троллей...» – с чувством закончил Тахар. – А может, это чары гномов и троллей не действуют на сберегательниц, как считаете?

Элай и Рань расхохотались.

– Откуда в Мирах знают про троллей? – пробормотала Алера.

Элай перекатился на живот, протянул руку и перехватил книгу, на вздох опередив Раня.

– «Водник – воплощение водяной стихии, одновременно заботливый и вредоносный сберегатель, хранитель рек и озер. Представляется в виде пучеглазого человека с рыбьим

ХВОСТОМ...»

Рань фыркнул:

– Вовсе водники не пучеглазые!

– Да мы знаем, – проворчал Тахар.

Алера оставила надежды получить книгу обратно и растянулась на песке, пристроив голову на пояснице Элая. Тот вздрогнул и чуть повысил голос:

– «Не выходит на сушу, командует рыбами, раками, утопарями и прочими жителями водоемов...»

– Как жизнеутверждающе, – одобрил Тахар. – Утопарь – житель водоема. Мертвяга, видимо, – обитатель погоста. М-м-м... Слушайте, сберегатели – это ж просто призорцы, выходит. Нетутошные призорцы, ну кроме водника, он-то наш.

В реке громко плюхнула рыбина. Элай закрыл книгу и снова лег, положив томик под голову.

– Отдай! – возмутился маг. – Я почитать хочу!

– Не блажи, – проворчал Элай. – Зачем тебе сборник детских сказок? Утопарь – житель водоема, ночницы вызывают сладострастные желания, а поверх витают гении, осеняя благодатью.

Тахар молча выдернул из-под эльфа книгу, привалился спиной к булыжнику и погрузился в чтение. Рань, приподняв следующие страницы, исследовал рисунки.

Алера некоторое время дремала, слушая мерное журчание речной воды. Еще несколько раз громко плюхнула рыбина, в камышах поодаль забила крыльями утка. Потом Але-

ре на нос села большая голубая стрекоза, и девушка, открыв один глаз, стала наблюдать за ее полетом. Насекомое то зависало на пару вздохов, то бросалось в сторону, потом замирало там и снова возвращалось – без всякого видимого толка.

Элай приподнялся на локтях, посмотрел на солнце и зевнул, предъявив миру два ряда отличных зубов.

– Хороший амулет бы получился, – отметил Тахар. – Или бусики.

Зубы у эльфов были ровные, мелкие и крепкие, как у молодых лошадок. И почти никогда не болели – во всяком случае, так говорил местный лекарь, и он не мог припомнить, чтобы кто-то из лирмских эльфов когда-нибудь пожаловался на зубную боль. Тахар нарочно интересовался.

– Давайте собираться. – Элай и с хрустом потянулся. – Тетка нас всех скопом сегодня к обеду ждет. Обещала пироги, жареное мясо, фрукты в меду, что-то еще... И вина мы привезли эллорского. Хорошее вино, из белого винограда.

Тахар издал победный клич и тут же вскочил, сунув под мышку книгу: до этого к обеду его ждала только Сарта со своей извечной кошмарной стряпней. Рань потер глаза, вздохнул, тоже поднялся и снова принялся ощупывать языком расколовшийся зуб. С таким зубом, пожалуй, не очень-то мяса поешь.

Этот Мир обладал редкой особенностью: из него в Ортай вели два портала. Второй находился недалеко от речки и выводил за околицу Лирмы как раз напротив конюшни. А от

конюшни до дома эльфов рукой подать.

Алера, не открывая глаз, помотала головой:

– Я ничего не знаю, я никуда не пойду. Мне удобно и хорошо, есть я не хочу, а хочу я спать. А давайте Рань сходит в Лирму и принесет нам от тетки мяса? И фруктов. И пирогов. И вина.

– Да, ты совсем не хочешь есть, – согласился Тахар.

– Вставай-вставай. – Элай ткнул Алеру. – У тебя вообще самая важная задача, Аль, ты деда на обед приводи. Тетка очень на нем настаивала, так мило отводя глаза и жутко краснея.

* * *

– Хобур говорит, в последнюю ярмарку в Киларе теленка видел белого.

– Да ну? Что ж не купил-то?

– На корм для птицы потратиться успел. К вечеру дело было.

– Да что ты, Анаэн, Хобур сроду до вечера в городах не задерживался! Сочиняет, небось, про теленка!

– Да зачем бы?

– А кто его поймет. – Орим пожал плечами и с удовольствием вгрызся в дыплячью ножку.

Мясо Анаэн приготовила нанизанным на палочки над очагом, где прогорали вишневые веточки. Получилось мяг-

ко и душисто, прямо само снималось с костей и запрыгивало в рот.

Весь дом сегодня пропах острыми и пряными томскими приправами, а еще – эльфийскими травками: не иначе с обедом тетка затеялась с самого утра. Дом у эльфов был светлый, очень чистый, повсюду стояли вазочки, фигурные камешки и коренья на деревянных подставках, сухие цветы в глиняных вазах, лежали вязанные салфетки и коврики.

Точнее, везде, кроме комнат Элая и Раня: те скорее походили на тролльи пещеры, чем на эльфийское жильё. Соваться к ним с метлой тетка перестала лет семь назад, решив, что если дети твердо решили вырасти свиньями – так это их Божиней данное право.

А еще была большая пристройка, которую эльфы делили как мастерскую: Элай там делал свои луки, а Рань, отгородившись занавесками и полками, мудрил с Кристаллами. Каморка Алеры в сравнении с эльфийской мастерской выглядела образцом чистоты и упорядоченности.

Орим нагреб себе еще соленых огурчиков, блаженно вздохнул и заработал челюстями. Редко когда ему удавалось поесть сытно и вкусно: сам он, хотя и давно вдовствовал, так толком и не выучился стряпать. Алере же было интересней носиться с друзьями по округе и по Мирам, чем у печки плясать, и Орим на это слова дурного не говорил, потому как напляшется еще – женская доля известно какая. А Шисенна, эльфийка-помощница, готовила вкусно, но просто: супу сва-

рит и каши, но пирожки вертеть не затеется и полдня держать мясо в травках не станет. Понятное дело, ее своя семья дома ждет, да и не было такого уговора, чтоб разносолы навредить в чужом дому.

Как же тут отказаться от приглашения на обед к Ана-эн? Чем порадовать пожившего человека, если не доброй едой и эльфийским вином?

Элай и Рань всегда привозили вино из Эллора, но в этот раз каким-то чудом раздобыли чуть ли не полуведерную бутылку чего-то особенно удивительного, золотистого, душистого и очень виноградного, прохладного и теплого одновременно. То ли эльфы решились ограбить погреб главного эллорского винодела, то ли им выпала редкая удача. Еще более редкая, чем покупка коровки чисто белого цвета.

Тахар, оценив размеры бутылки, утвердился во мнении, что его друзья вовсе не в качестве блудных родичей приезжают в Эллор. И что не зря они так упорно уходят от ответов, когда он задает им вопросы: знают, небось, что ответы ему не понравятся.

Прикинуться дурачком прямо сей вздох, спросить снова, при тетке? Может, она чего-нибудь и скажет по простоте душевной? Впрочем, нет. Анаэн вовсе не так проста, как можно подумать, глядя на ее радушную улыбку и вязаные коврики в доме, – она тетка мудрая и рассудительная, такие ни о чем и никогда не проговариваются по случайности.

– Главное – не давать Шагашу ни медяка, пока он всю ра-

боту не делает, как бы ни упрашивал. И до заката тоже не давать ему ни медяка, потому как на все деньги он немедленно покупает вымороженного вина и упивается до потрясения в единый вздох. А когда он упит до потрясения, то начинает бегать вокруг таверны голышом, и выглядит это, ты знаешь, отвратно. Ладно еще, когда по темноте...

А еще Анаэн не сводит глаз с Орима и ни на какие слова Тахара не обратит внимания, даже если он заявит, что желает немедля сжечь дотла ее дом.

Заботливо пододвигая к Ориму очередное блюдо, эльфийка завела разговор про цены на скот: ходили слухи, что осенью обозы с мясом пойдут в Недру, самый северный край Идориса. О Недре мало что было известно, кроме того, что там ужасно холодно и где-то в горах спят самые настоящие драконы.

Анаэн сомневалась, что туда и правда будут возить мясо – это ж даль какая, из Ортая через Гижук, но вдруг слухи правдивы? Тогда, значит, в самом Ортае цена на мясо осенью не упадет, а напротив, взлетит до небес и будет подниматься, пока не достигнет порога Божини.

Анаэн и Орим живо обсуждали, как стоит поступить в конце лета со скотиной: то ли перерезать и насолить мяса впрок для собственных нужд, то ли перерезать и продать втридорога, то ли оставить на расплод – кто его ведает, как оно будет в следующем году.

Тахар и Алера переглянулись. И у Анаэн, и у Орима, как у

почти любого другого лирмчанина, живности-скотины в хозяйстве и не было почти, а та, которая была – для себя, а не для расплода и не для продажи. Десяток кур, коза, пара поросят, которых так или иначе прирежут к зиме. Какая разница им, на самом деле, что там из Ортая в Недру повезут!

– А уже известно, что маги будут делать на полигоне, который Школа возле нас построит?

Алера исподтишка наблюдала за дедом. Интересно, он понимает вообще, что приглашение на обед – не простая вежливость? А мог бы и подумать: с начала весны это приглашение уже пятое, не многовато ли вежливости эльфийка рассыпает? Ей бы стоило, пожалуй, позвать одного Орима, без всяких детей и внуков... или нет, или не стоило бы, потому что пусть все остается как есть!

А впрочем, дед и тогда не сообразил бы ничего, наверное. Слишком он бесхитростный, чтобы понимать всякие вещи, не прилетающие ему прямо в лоб. Да и вдовствует он давно, привык считать себя одиноким и совсем уж пожившим, а ведь Анаэн моложе его лет, пожалуй, на двадцать. Вдобавок она, как бывает у эльфов с близкими элморскими корнями, старилась медленно и выглядела намного моложе своих поселковых погодок. А элморские эльфы, как говорили некоторые, вообще едва ли не бессмертны – на деле-то это было полнейшей чушью, жили они чуть дольше людей и не дольше гномов, но, правда, в гроб укладывались куда более сияющими.

Наверное, нужно что-то сделать. Поговорить с дедом, что ли? Или прямо сей вздох оставить их с Анаэн одних, пока тетка не совсем отчаялась? Или все-таки пусть все идет, как ему самому идется?

– ... может быть, вчетвером справимся, – услышала она голос Тахара и поняла, что друг стоит рядом и глядит на нее выжидающе.

Элай и Рань, оказывается, уже маячили на пороге трапезной, а тетка заливалась румянцем.

– Да! – подтвердила Алера, выбралась из-за стола, и последовала за друзьями.

Заметила, как Тахар подмигнул Анаэн.

– Что ты им сказал?

– Что мне немедленно нужна ваша помощь в поимке бегунчика, и до поздней ночи мы будем заняты.

– Разве бегунчик вылезает засветло? Разве ему срок сегодня?

– Нет, конечно. Но твой дед этого вроде бы не знает. А тетка если и знает, то ничего ему не скажет.

* * *

Родители Тахара исчезли четыре года назад.

В Лирме они поселились после выпуска из Магической Школы, Тахар тогда только-только научился ходить. Никто в поселке не знал, откуда родом Шель и его жена, и почему-то

теперь никто не помнил ее имени, только прозвище. Но в поселке очень обрадовались приезду гласного мага – такая радость только городам положена, в поселках обученные маги появляются, только если сами захотят там осесть. Так что выходило, двое магов после учебы почему-то сами попросили Школу отправить их в ничем не примечательный поселок северо-восточного Ортая – ни родни, ни друзей у них тут не было.

Шель был назначен гласником Лирмы, а его жена оказалась целительницей, очень талантливой, хотя и ужасно острой на язык. Поначалу к ней ходили только самые толстокожие посельчане или те, у кого был слишком уж трудный случай, но очень быстро стало понятно, что она помогает, всем и всегда помогает, даже в таких случаях, когда городские лекари оказывались бессильны.

Они быстро стали считаться в Лирме своими – худошавый невозмутимый Шель, его неугомонная жена-целительница и сын Тахар, копия отца, унаследовавший от матери только светлые волосы. Целительских способностей у Тахара не было, что его весьма расстраивало, зато отцовский талант передался в полной мере, вместе с отцовским же характером – донельзя упертым и въедливым, но исключительно мирным.

Через год жители поселка, кажется, вообще забыли, что эти трое жили здесь не всегда.

Никто и представить не мог, что однажды утром, много

лет спустя, Тахар выйдет из комнаты и не найдет в доме ни отца, ни матери. Трапезная будет точно в том же виде, в котором он оставил ее вчера, когда родители пили вино и хохотали над какими-то листками вестей. Утром все останется так же: закрытое окно, груды пергамента, две кружки с недопитым вином. Но ни Шеля, ни его жены больше никто никогда не увидит, никто даже представить не возьмется, что могло с ними случиться, и только один из школьных магистров, старик с крючковатым носом, горько проворчит: «Я ж упреждал их от новых перемещений», но магистра никто не услышит в общем гаме.

Тахар никогда не говорил о том, что чувствует, продолжая жить один в этом доме. Наверное, пустота угнетала его, как бы он ни делал вид, что ничего такого не ощущает. Переехать из родительского дома, как не раз предлагал ему Орим, Тахар отказывался наотрез, но друзей у себя принимал всегда охотно, да и сам всегда рад был прийти в гости.

Друзья не говорили этого вслух и едва ли думали так осознанно, но именно Тахара они считали самым старшим, хотя все были одногодками. Все четверо так или иначе потеряли родителей, но только потеря Тахара, пережитая в сознательном возрасте, сделала его взрослее, серьезнее, сильнее, чем прежде.

Сегодня в доме мага пахло васильками.

Алера лежала на животе, болтая ногами и выдергивая волосы из многострадальной шкуры. Интересно, думала она,

поймет ли дед, что Анаэн имеет на него виды? И что предпримет в связи с этим? Может, деду не нравятся эльфийки, кто ж его знает!

Тахар вытащил из котомки давешнюю книгу, взглядом спросил у Алеры разрешения, но та в его сторону не смотрела. Магу хотелось как-нибудь в спокойной обстановке, не спеша изучить «Сберегателей» до корки – книга зацепила. Пока они читали про всяких там ночниц и гениев, она и правда выглядела сборником сказок, как и говорил Элай, но водники ведь действительно существуют, и рисунок на странице был очень похожим. Тогда что выходит, и в Мирах призорцы водятся?

Рань ловко выхватил у Тахара книгу и уселся прямо на пол, опершись спиной на плетеное кресло. Открыл «Сберегателей», пролистал несколько страниц, выискивая, на чем в Мире закончили чтение. Уткнулся в разворот, чуть ли не касаясь носом листов, принялся сосредоточенно шевелить губами.

Тахар махнул рукой, не стал отбирать книгу обратно: успеет еще начитаться, когда друзья разбредутся по домам.

– Сдалась тебе эта книжка, – протянул Элай. Развалившись в другом кресле, эльф обстругивал маленьким ножиком толстенькую вишневую ветку, вытащенную из дровницы у камина. – Сказки же, что ты вцепился в них, как дитя малое?

– Ничего не сказки, – набычился Рань. – Ты что, водника

никогда не видел? Тут вот и про хлевников есть, и про демонов еще.

Элай покрутил ножичком у виска.

– Ах, да, – «вспомнил» Рань. – Ты ж в демонов не веришь. Интересно, а они верят в тебя?

Элай скривил губы, не ответил.

Тахар с тоской потянул носом. Васильковый запах был силен, тем более – по такой жаре; если бы Сарта днем не открыла в доме окна настежь – теперь внутри была бы натуральная парилка и совершенно невыносимая вонь. Потому как орчиха, к гадалке не ходи, грохнула склянку с вытяжкой.

Вот что ты с ней делать будешь?

– Может, эти знания нам когда-нибудь жизнь спасут, – бубнил Рань. – Если мы будем знать, какие бывают демоны, чего кому надобно, от кого какой подлянки ждать...

– ... то сможем всей этой ерундой до усрачки пугать детей лет пяти, – перебил Элай. – Ни на что больше эта книжица не годится.

– Тебе во всем Ортае ничто не годится, – огрызнулся Рань. – А может, вот сей вздох посреди комнаты демон выпрыгнет! Вот, к примеру, ифрит! И что тогда?

– Кто выпрыгнет?

– Ифрит. – Рань провел пальцем по строкам, пошевелил губами. – Демон-сберегатель огня. Вот что ты будешь делать, если он сей вздох из камина на тебя выскочит?

– Удивляться буду, – решил Элай. – А ты? С чувством

зачитаешь ему описание его же из этой книжицы? Картинку покажешь?

– Нужно знать, с чем мы можем столкнуться, – упрямо мотнул головой Рань и вновь уткнулся в книгу.

Элай вздохнул, чуть склонил голову, оглядывая Раня, потом обернулся к Алере и к Тахару, который присел на шкуру рядом с подругой. Оба улыбались.

– Вот где он собрался сталкиваться с демонами? – спросил у друзей Элай.

Их ухмылки стали шире. Рань поморщился и перевернул страницу.

– Ну, если он будет читать ифриту вслух, тот его запомнит, – заявила Алера, перекадилась на спину, закинула руки за голову. – Ифриту приятно будет, что какой-то сожранный им эльф проявил не абы какие познания в природе самого демона. Он демонятам своим про Раня расскажет. И запомнится он демонам всего ифритского вида как самый ученый и обходительный обед.

Рань угрюмо засопел, переворачивая очередную страницу.

– Запомниться важно, – без улыбки сказал Тахар после недолгого молчания. – И к слову об этом: про бабу Наню слышали?

Друзья покачали головами.

– Так вот, она чудесное дело удумала, она теперь не хочет, чтоб ее община досматривала.

– Как так? – не поняла Алера. – У нее же нет родни, кому еще за ней смотреть-то?

– А она вот что сообразила: говорит, выберет себе названного родича, которому дом и садик отойдет, а тот взамен ее досмотрит.

– Блажит, – оценил Рань и вновь склонился над книгой.

– А желающих, однако, набежало куда как больше, чем в прежние дни, когда по общинным обязанностям ходили, – продолжал Тахар. – Ну а тут и баба нос задрала – дальше некуда, потому как во какая она всем нужная! Во как будет теперь выбирать, кто перед ней хвостом метет бойчее! А если, значит, этот выбранный названный родич будет плохо ходить за ней – так она его разназовет обратно и выберет другого.

– А поверх чтоб порхали гении, – предложил Элай. – И осеняли благодатью.

– С нее станется и гениев затребовать, – без улыбки ответила Алера. – Те, кто согласился, они или разума лишились, или совсем уж в отчаянии. Баба Наня из них душу вытрясет. И пусть ей уже больше ста лет, она ж еще крепкая старуха и разумом светлая, она еще лет двадцать протянет и похоронит штук сорок этих названных родичей. Похоронит, вот правда! Она ж сама их в гроб и загонит!

– А ведь я помню, как ты к ней за речку за пирогами с тыквой бегала, – укоризненно покачал головой Тахар. – Лет десять назад еще бегала. Чуть ли не каждый день.

Алера вздохнула. Бабу Наню она помнила с самого раннего детства: сухонькую и сутулую, очень добрую и говорливую. Платья у нее всегда были темные, а платки – яркие, и она всегда носила платки, то на плечах, то на голове, а иногда повязывала их вместо пояса. У нее были очень белые волосы, сколотые большим деревянным гребнем, и крупные уши с морщинистыми мочками, оттянутыми под тяжестью костяных серег. У бабы Нани были добрые глаза, сильный голос и крепкие короткопалые руки в мелких пятнышках.

– Бегала, да. И когда она овдовела – я ходила к ней сколько раз! Только знаешь, я по два дня потом как пришибленная была. Сиди с ней целый день да слушай, чего она тебе рассказывать будет. Я поначалу была и не против посидеть, ну что тут трудного? И бабка вроде как не чужая же. И с детства я ее знаю, и ничего плохого не скажу про нее. А как заладится языком чесать – так будто кровь пьет из меня, и еще так усмехается и приговаривает: сиди, девочка, сиди с бабушкой – а у меня аж в ушах шумит. Так вот оттого она и не хочет, чтоб ее община досматривала – тот, кто приходит по обязанности, его силком на лавку не посадишь и не удержишь там полдня. А вот если она названного родича получит, который вроде как по доброй воле – так на нем душу и отведет, а мы только будем успевать хоронить этих родичей. Или выхаживать их от мозговой горячки. Потому как пьет она из них кровь, и хоть ты мне что хочешь!

– А все равно тебе неловко, что ты к ней больше не захо-

дишь, – припечатал Тахар.

– Нашей злыдне со-овестно, – пропел Элай. – Все скорей бежим смотреть на это диво!

Алера отвернулась, стала глядеть на стоящую на столе лампу, огонь в которой то становился крошечным, словно вот-вот погаснет, то разгорался ярко вновь.

Ну да, ей неловко. Прежде баба Наня была добрая, кормила пирогами всех поселковых детей, охотно принимала помощь по хозяйству, рассказывала всякое интересное про животных, про травы и про войну с Гижуком, а иногда даже позволяла перемерять несколько своих платков.

Пожалуй, было что-то нечестное в том, чтобы теперь думать о ней не как о доброй бабе с пирогами, а как о зловредной вдовице, которая измывается над всеми вокруг, чуя свою скорую смерть. И жалко ее было.

– Она же и правда душу выматывает, – неожиданно подал голос Элай. – Неспешно, основательно и до доньшка. То ей крупу перебрать надо, то половики потрусить, то воды наносить, и оно бы ничего, только все эти надобности по пять раз переделываются, потому как иначе бабке скучно и поговорить не о чем. Вот ты делаешь, что она попросит, а она сидит тихонько, смотрит на тебя и молчит, улыбается, кивает... И только думаешь, что закончил – вот тут она рот и разявит! Не-е-ет, не годится ту крупу сыпать справа налево, давай слева направо все переделывать. И не так тот половики трусить надо было, не сверху вниз, а снизу вверх. И

не годится вода из этого колодца, потому как полвека назад за полперехода от него птичка сдохла, так что вода в нем теперь отравленная навсегда и бабкино ценное здоровье от нее испортится до самой присмерти. Так что ту воду тащи обратно и не смей выливать на ее подворье, а потом пойдешь к колодцу, который подальше, да не к тому, а который еще подальше... И так целый день, и про все, что надо сделать. Вот много добрых слов у тебя потом отыщется для бабки, а?

– Много, – кивнул Тахар, – только не добрых.

– А вот представь, как она выкрутит кишки этим названным родичам. А они отыщутся, дом-то у нее хороший, и сад, и земля – есть чем заманивать!

Тахар поскреб макушку.

– Может, она как раз успокоится. Может, ей тогда перестанет быть страшно. Я слышал, как лекарь говорил, что Наня – бабка при полном разуме. Значит, она...

– Сосет кровь с полным пониманием, с чувством и толком!

– Думаешь?

– А что, заставляет себя, что ли? – Алера вздохнула. – Не хочу я жить до старости. Лучше помереть до того, как стану всем противна и сама себе не рада.

– Просто никто не должен быть один, – сказал Рань, не поднимая головы от книги, и все посмотрели на него с удивлением: эльфы в такие разговоры обычно не встречали.

Элай и теперь как будто не слушал вовсе, вытачивал себе

из деревяшки длиннорукую фигурку, похожую на лешего.

– Никто, – повторил Рань так сосредоточенно, что можно было подумать, он читает вслух, а не говорит то, что думает сам. – Когда кто-то остается один, то ведь самое интересное – какой он, этот один. Кто знает все, что может увидеть в себе в такое время! Одиночество... меняет. Потому бабка Наня и стала вреднучей, и наша тетка потому же приглядывается к твоему деду... Страшно им. Но все ж еще корявей, и во все не обязательно названные родичи тебя спасут, ведь можно быть одиноким, даже если вокруг все время что-то делается, и даже если ты сам вроде как участвуешь в этом во всем.

Долго-долго после этих слов все четверо молчали и не смотрели друг на друга.

Глава 4

Несколько следующих дней после того ужина дед вел себя совершенно обычно, только в глазах его появился теплый огонек. Алера, отчего-то растеряв свою всегдашнюю уверенность, не решалась спросить напрямую, что там произошло и чего не произошло, а сам Орим ничего рассказывать, конечно, не стал, потому как – вот еще. Элай тоже наверняка ничего не знал, но говорил, что Анаэн все время напевает, потому едва ли стоит считать ее расстроенной. Рань, может, и знал побольше, но его почти не было видно в эти дни, даже Элай с ним мало встречался. Такое бывало, когда в кузнице прибавлялось работы: Рань приползал домой поздно вечером, молча заглатывал ужин и падал в постель до рассвета. Анаэн говорила, он забегает домой днем, но в это время не было Элая. Хотя Элаю стоило бы быть дома и хорошенько расспросить Раня о школьном магистре, который уже прибыл в Лирму и поселился в доме Суджама.

Никто из троих друзей не видел этого пришлого мага, хотя к кузнецу они то и дело заглядывали – Элай продавал ему наконечники для стрел – да и по округе они носились в эти дни немало, но встретить магистра пока не довелось. Впрочем, в таком большом поселке, как Лирма, случайно сталкиваешься обычно лишь с тем, кого встречать совсем не хочется.

Вот Рань наверняка видел этого мага, раз тот поселился

в доме кузнеца, – умудриться бы еще увидеть самого Раня! Но друзья почти не вспоминали о нем в эти дни и почти не замечали его отсутствия. Из-за всех этих историй с Кристаллами, из-за своей скрытности и упертости Рань все больше обособлялся от них... а кроме того, ведь было лето!

Летом совершенно невозможно кого-то поджидать или по кому-то скучать, или сидеть в доме, или заниматься всякими скучными поселковыми делами. Трое друзей сбегали в окрестности Лирмы, в леса, на луга и на болота, где росли во множестве нужные Тахару травы и бегала шустрая мелочь, которую он использовал для зелий. Друзья караулили звездчатку на закате, собирали крушину точно в то время, когда восходящее солнце вылезало из-за горизонта на четверть, охотились за жуками-рогачами, которых непременно нужно было изловить до полудня, бродили по лугам в поисках выпавших мошковиковых зубов и охотились на гнильцов-паучат в болотистых затерях.

Они загорели, волосы их стали светлее и жестче, руки-ноги покрылись царапинами, синяками, укусами и ожогами.

Друзья свели знакомство с молодым лешаком из южного леса, и тот поведал, что старый лешак ушел в Даэли, устав от людского пренебрежения. Они носили лешаку хлеб-соль и уверяли, что дело его – нужное и почетное.

И, к большой своей досаде, они снова встретили водника, который жил под мостом, где река делала полукольцо. Водник считал, что его мама была горной троллихой, потому и

сам он – наполовину горный тролль, и на правах тролля требовал за проход по мосту медяк, не то обещал натравить на село утопарей. Все посылали водника под бдыщевый хвост, потому что был он наглым, крикучим и совершенно свихнутым от старости, к тому же каждый ребенок знал, что никаких утопарей под его началом давно уже нет.

А на болотах Алера умудрилась поссориться с багником, что было совершенно не в ее привычках: упрямая и нахальная с людьми, она очень серьезно относилась к призорцам, и какая шлея ей попала под хвост в этот раз – никто так и не понял. Багник и его рой кусачей мошкары гнали друзей до границы болот. По пути Тахар обронил мешочек со стручками арника, которые успел насобирать, потому всерьез рассердился на Алеру и наорал на нее в том смысле, что как только выломает хорошую хворостину – в тот же вздох надает ей по заду.

Друзья бегали и по Мирам, могли даже остаться там на ночь, чем вызывали массу тихоньких шепотков и громких негодований местных старух. Наташили кузнецу груды кинжалов, Кристаллов и наконечников для стрел. Несколько раз чудом избежали магоновых стрел и ящериных зубов, разыскали несколько редчайших растений, которых было не найти в этой части Ортая, залечили ухо Элая, укушенное осой из лесного Мира и опухшее до того, что перекосило даже щеку.

Словом – было лето.

– Я вот не понимаю. – Тахар посолил крупу в котелке и

облизал ложку. – Почему никто всерьез не занимается Мирами? Почему никому нет дела до них?

– Клинки, – фыркнул Элай. – Травки для зелий. Чем тут всерьез заниматься?

– Кристаллы, – раздраженно перебил маг. – Почему не использовать их организовано, скажи? Карты. Это ж какая возможность для магов! Изменять, усиливать, совмещать заклинания – это что, никому не интересно?

– Их мало очень, Карт. И обученные маги их не любят, хотя...

Элай осекся, но все и так поняли. Шель, отец Тахара, был обученным магом, но он и сам любил рисовать что-то вроде Карт, причем рисовал отменно, и ему удавалось придумать собственные способы совмещения заклинаний.

Тяга к экспериментам действительно была странной для обученного мага. Может быть, именно из-за этих своих странностей Шель и попросился гласником в Лирму, подальше от Школы и магического сообщества в целом? Кто его знает.

– Миры – целый пласт, который все вокруг упускают. Почему не взяться за их изучение всерьез? Мы могли бы понять, откуда они взялись, больше перенимать отсюда всяких полезных вещей, ведь даже со здешними растениями не так-то все просто, хоть ты и кривишь нос. Почему никто этого не делает? Кажется, всему Ортаю наплевать на Миры. Всему Идорису наплевать!

– Да ладно тебе, – махнул рукой эльф. – Многим интересно. Рань вот, было дело, землю рыл, хотел выяснить, как делались амулеты для переходов. Почему этого уже никто не помнит? Порталы не так-то давно появились.

И как выходит, что размер амулетов может быть каким угодно, что камни в них какие попало, а то и вовсе не камни, а мусор всякий, но они же все равно работают...

– И почему ими могут пользоваться только младшие в семье, – добавил Тахар. – В самом деле, никого не водят в первое путешествие родители. Почему они больше не могут ходить в Миры?

Элай пожал плечами.

Так повелось, что амулеты передавались по наследству. К тому времени, когда сын или дочь были готовы к первому путешествию, родители не ходили за порталы уже много лет – и никто не знал, почему так получается. Подлетки в этих краях бегали в Миры непременно, но с годами интерес к путешествиям отчего-то пропадал и, даже если взрослые люди вдруг спохватывались, что давненько не брали в руки топора и не сносили магоновых голов, – неизменно оказывалось, что проход для них закрыт.

– Почему никто из торговцев не организует путешествий? – помолчав, спросил Тахар. – Они же хорошенько наживаются на том, что мы приносим!

– Потому что они уже наживаются на том, что мы приносим, – усмехнулся Элай.

– А ты в сундук свой давно заглядывал? У него крышка еще закрывается? Или на ней уже прыгать надо, чтоб не донесенное до торговцев поплотней легло?

Элай хмыкнул, принялся переворачивать над костром палочки с длинными полосами мяса.

– Тахар, тебе чего-то не хватает? Если бы за Миры кто-то взялся всерьез – у каждого портала торчал бы целый балаган из магов, торгашей, наемников и прочей нечисти.

И ходил бы ты сюда как на работу, и за каждую Карту подати платил. И отчитывался перед Хобуром за каждую вылазку, а он бы отчитывался перед наместником и Школой разом.

Тахар поскреб макушку.

– Пожалуй, это как раз то, что мне не нужно. Но все же неправильно как-то выходит.

Алера слушала вполуха, лениво щурясь на солнечные отблески в ветвях. Ей было хорошо. На одном из деревьев колыхалась паутина – толстая и густая, сплетенная на совесть. Темно-серый паук с ладонь размером деловито сновал по краю своей сети, не то что-то доделывал, не то просто наслаждался итогом много дневных трудов. На боках у него виднелись ярко-зеленые пятнышки.

Интересно, он ядовитый?

Этот Мир был одним из самых уютных: зеленые луга, ледяные родники, маленький лиственный лес в двух переходах от портала – излюбленное место отдыха. По пути обычно

удавалось подстрелить зайца, а еще тут всегда было тепло и сухо.

Сегодня не обошлось без короткой стычки с магонами – магом и суетливым мечником. Вообще-то серокожие магоны, наделенные силой орка, верткостью эльфа и настырностью гнома, могли быть очень опасными, и друзьям не раз приходилось бесславно драпать к порталу, если магонам хватало ума сбиваться в группы или нападать внезапно. По счастью, такое случалось редко, обычно магоны начинали бежать и орать, как только видели чужаков, и пока добежали, самостоятельно ухекивались до состояния полной небоготовности.

Тахар рассеянно плел какое-то заклинание, между его пальцами медленно сгущался рваный серый клок. Алера перевела взгляд с паука на мага, прыснула и села. Тахар вздрогнул и обернулся.

– Между прочим, сегодня утром встретил в лавке сына бывшего егеря – как там его зовут?.. Не помню. Надутый такой, расстроенный. Говорит, не смог прыгнуть в Мир вчера.

– В который? – вяло спросил Элай.

Просто так спросил, ему было наплевать на егерей, их сыновей и всяких неудачников, которые не в силах пройти через портал.

– А вот в этот самый. А потом в тот, что у реки. И еще в пару. Ему проход закрылся.

Алера пожала плечами, выдернула травинку с пушистой

метелкой, повертела в руках.

– Чушь. Он же младше нас года на три, с чего бы ему хода вдруг не стало?

– Вот и мне интересно, Аль. А ему интересно еще больше. Ворчал на свою подружку: мол, все зудела и зудела, что мало времени ей уделяет, а потом, небось, порчу навела.

– Ну конечно, – усмехнулся Элай. – Нельзя порчей портал запечатать.

– Нельзя, – согласился маг. – Только в Миры он больше не ходок.

– Может, она ему амулет подменила, – без особой уверенности предположила Алера.

Друзья посмотрели на нее, одинаково выразительно подняв брови. Подменить амулет, который хозяин всегда носит на шее, да чтобы тот не увидел разницы? Так же легко, как поменять местами руки с ногами.

Тахар растянулся на траве, прищурился на яркое синее небо, просвечивающее сквозь кроны деревьев, потом покосился на Алеру. Та, задумавшись о чем-то, разглядывала Элая. Маг частенько ловил подобные взгляды, обращенные на эльфа, и все не мог решить, кроется за ними что-то особенное или нет. Наверное, кроется, раз больше ни на кого она так не глядит!

– Зачем вообще людям нужны Миры, на самом-то деле? – заговорил Тахар. – Почему мы ходим сюда? Повалиться на лужайке и поесть мяса можно в лесочке возле Лирмы, но мы

не ходим в лесочек валяться, мы ходим сюда, и когда что-то стрясется – мы убегаем сюда, отгораживаемся порталами от того, что снаружи. И когда не случается ничего, мы все равно сюда премся. И еще изучаем нехоженые Миры, кладем на это кучу времени. Кровь проливаем, зубы теряем, Элай вот уха чуть не лишился, а если бы у него был хвост... Почему мы это делаем? Другие люди – почему? Что здесь есть Мирах такого, чего нет в Идорисе?

– Магоны, – проворчал Элай. Задушевные беседы его раздражали, а как раз одну такую Тахар и собирался начать. – Ящеры. И волки в Ортае только серые, а тутошные – черные. И еще – ваши Кристаллы и Карты.

– Почему ты так любишь притворяться бревном? – неожиданно резко спросила Алера. – Так любишь, что охота тебя в бок пырнуть: вдруг бревно и есть!

Элай обернулся к Тахару:

– Ты тоже это слышал?

Маг кивнул:

– Я готов подержать тебя, пока она проверит.

– Надорвешься держать, – ухмыльнулся эльф и ткнул Алеру в живот. – А ты, если будешь дальше такой наглой, устанешь нас навсегда, и тогда мы тебя троллям в рабство продадим.

– Надорвешься продавать, – огрызнулась Алера, возвращая тычок. – Я буду отбиваться и громко орать плохое, настолько плохое, что тролли прикроются ушами и позорно

сбегут.

– Не надо было Ориму учить ее махать мечами, – покачал головой Элай. – Уж-жасная злыдня получилась.

Тахар закинул голову, поглядел на Ал еру:

– А ты что скажешь? Зачем нам нужны Миры?

Она долго молчала, потом вздохнула и снова растянулась на траве.

– Тут нет никаких дел, нет проблем, никто не потревожит, не помешает. Здесь спокойно, все-все просто, тихо и ясно.

– Да-а, – немедленно влез Элай. – Вот как приходишь в новый Мир, так на тебя простота и ясность тут же бросаются наперегонки! Как начнут тебя умиротворять со всех сторон: кто зубами, кто мечами, кто стрелами. А из кустов маги так успокаивающе заклинаниями: х-щ-щ, х-щ-щ... Благодать!

Друзья рассмеялись.

– Но это же приключения! Прямо за порогом дома! Вот что бы мы делали без них? Если был бы только поселок, одни и те же лица, дела и заботы. Каждый день. И ничего больше.

– И за каждым углом по бабке-ворчухе, – подхватил Тахар. – За каждым шагом кто-нибудь непременно следит, до всего кому-то есть дело...

– Когда ставни открыл, что в лавке купил, долго ли огород полон!

– Сколько эля осилил выпить! Вот разве какому-нибудь магону или ящеру есть дело до эля? Им одно важно: можешь ты шевелиться или уже все!

– И мне негде будет брать новые Карты. Аль не найдет Кристаллы. И все мы не заработаем ни медяка.

Некоторое время друзья молчали.

– Не, – поморщился Элай и принялся осторожно складывать палочки с нанизанным мясом на большой гладкий лист неведомого в Ортае растения. – Это ты загнул. Просто ты бы больше делал своих жутких варев, я бы ездил в город продавать луки, Аль... ну, она бы растила пяток детей и Кристаллы, что скопились в каморке, и тоже бы варила жуткие варева, только не в котелке.

– Ты бы недолго проездил в город, – тут же отозвалась Алера, – тебе ты кто-нибудь непременно оторвал ноги за длинный твой язык, а с оторванными ногами до города не добраться.

– Знать бы вот, почему проход закрывается. А то вдруг нам тоже прямо завтра – раз. И все.

– Ну, судя по сыну егеря, – не из-за возраста, – поразмыслив, заявил Элай. – Но с другой-то стороны – в Миры ходят только молодые.

– Может, оно происходит само как-то? – подала голос Алера. – Когда человек сам перестанет в них нуждаться?

Эльф покачал головой:

– Тах правильно говорил: тем же магам или наемникам было бы совсем не лишним тут ошиваться. Потребность у них есть, ну пусть не у всех, хотя бы у некоторых – а хода нет.

– Я же не про жажду наживы, – раздосадовано возразила

Алера.

– У магов это больше жажда знаний, – тут же ответил Элай. – Но взрослые все-таки не ходят.

– Ну мы-то здесь!

– Значит, мы головами еще не выросли.

– Вот и дивно, – проворчала Алера. – Тогда нам путь открыт до самых седин. А потом мы умрем счастливыми.

Тахар снял котелок с огня, в последний раз помешал кашу и начал было снова говорить о постижении тайн Миров, о развитии Идориса, об открытиях и достижениях, но проголодавшиеся друзья куда больше интереса проявляли к мясу и каше, чем к открытиям и развитиям.

* * *

После тепла и сытного ужина шевелиться не хотелось совсем, и друзья в который раз пожалели, что через порталы нельзя проводить лошадей. Тахар заикнулся было про то, чтобы остаться в Мире на ночь, но друзья воспротивились. Элай был настроен прямо с утра отправиться на стрельбище, где не был уже много дней, а для этого требовалось хорошенько выспаться. Алера так же твердо была намерена именно сегодня продать кузнецу снятые с магона клинки. Так что Тахару пришлось покориться и позволить проводить свое угрюмо ворчащее тело к portalу.

В Лирме царило оживление: сегодня днем поселковый го-

лова Хобур нанес визит в дом Веррена, о чем тут же стало известно всем.

После давешнего сборища у рудника, как оказалось, Орим все-таки поговорил с Хобуром о памятной стычке в Мире, и гном стал разбираться всерьез, много дней потратил, чтобы узнать, что еще успели натворить эти трое парней, сколь велик размах содеянных злодеяний и, значит, что именно ему следует сделать с виновными.

Поселковый гончар, встретив у колодца Тахара, Элая и Алеру, в лицах изобразил все, что случилось сегодня, когда Хобур пришел к Веррену, и от себя лично добавил большую признательность: сын гончара оказался одним из первых в длинном списке подлетков, которых Веррен с приятелями успели отловить у порталов и ограбить. Жаловаться старшим никто из них не стал: не принято. Полез в Мир – дерись. Пришел побитым – терпи. Лезешь снова – будь готов. Или не лезь.

Однако когда все узнали о полученной троицей взбучке и о том, что про это стало известно Хобуру, а тот теперь желает знать, разбираться и все прочее – оказалось, что пострадавших было много, и все они теперь потянулись к Хобуру со своими историями.

Выслушав их все и хорошенько все обдумав, Хобур явился в дом к Веррену и, не стесняясь в выражениях, рассказал его родителям все, что думает про трусливых выскочек, конских хвостов и бдыщевой матери. Веррен в это время пооче-

редно пытался изображать слабоумного, глубоко недоумевающего и смертельно хворого, но помогло это чуть менее чем никак: на него и его друзей Хобур наложил повинный годовой запрет на путешествия в Миры и обязал два месяца каждый день работать на общинном поле, где росла водолюбивая капуста. Амулеты у всех троих Хобур, разумеется, отобрал.

– Что думаешь? – спросил Тахар у Алеры, когда колодец и ликующий гончар остались позади.

Она пожала плечами:

– Думаю, теперь в Мирах стало тремя уродами меньше. А с наказанием Хобур чушь натворил, вот как я считаю: неужели он верит, что они поймут свою вину, если остаток лета будут поливать капусту?

– Никак не поймут! – обрадовался эльф. – Нужно было вместо капусты заслать их на воспитание жрецу! Тот бы живо объяснил по-простому: кто плохой – того бдыщи утащат в медовую реку и выжрут печень. А кто хороший – того... м-м-м, а что того, кто-нибудь помнит?

Маг задумался.

– Кажется, об этом жрец ничего не говорил.

– Наверное, того бдыщи не утащат в медовую реку, – решила Алера.

– Замечательно, – согласился Тахар. – Ну а что с ними надо было сделать, Аль, как по-твоему?

Девушка пнула камешек, проследила, как тот прыгает по дороге, поднимая крошечные облачка пыли.

– По-моему, удар гномьим кулаком по тупой башке больше полезен для тупой башки, чем возня на капустном поле.

Эльф фыркнул и посторонился, пропуская дородную светловолосую вдову Маряну, что проплывала по дороге степенным кораблем в кружавчиках. Перед собой она несла, обхватив обеими руками, таз с остатками свежеиспеченных пирогов – по общинным избам проходила, торговала домашней выпечкой к ужину.

В общинных избах Ортая жили семьями и поодиночке люди, орки и гномы, по разным причинам оставшиеся без крова или даже никогда его не имевшие. Такие избы повелось ладить после войны с Гижуком, короткой, но бурной, перемешавшей многие семьи и оставившей без дома тысячи людей, эльфов, орков и гномов. В будущие годы, когда разрушенное понемногу отстроилось, нужда в общинных избах не пропала, а даже наоборот: всегда находились те, кому требовался бесплатный кров в простенькой мазанке, где ютились самый разношерстный люд в разделенных перегородками комнатухах.

Были там, конечно, лентяи, не желавшие работать ни вздоха сверх положенной общиной обязанности – даже если для собственного блага. Были обнищальцы и погорельцы, у которых не нашлось родни или друзей, готовых пустить под свою крышу. Приходили переночевать путешественники, не имевшие возможности тратиться на место в постоянных дворах. Нередко в общинных избах какое-то время жили мо-

лодые семьи, пока еще не построившие собственного дома. Иногда перебирались сюда неутомные старики, которым скучно было с повзрослевшими детьми, а весело – в таком месте, где людей много и всегда можно с кем-нибудь поговорить, а точнее – много кому можно рассказать то, что рассказать очень хочется. Жили здесь женщины, сбежавшие от обрыднувших мужей, и мужья, не вынесшие накала семейного счастья.

Словом, народ был самый разный, вовсе не обязательно нищий, и бабы вроде Марьяны зарабатывали на домашней выпечке: много у кого к вечеру найдется лишний медяк на пару горячих пирогов с капустой, яйцом или вишней.

К тем же избам прибывались ничейные щенки. Топить плоды случайной собачьей любви, как это делали соседи-орки в Гижукe, у ортайцев было не принято. Да и не так много случалось щенков: цепным псам нечасто удавалось отвязаться и сбежать к приглянувшейся невесте, а без привязи собак в деревнях не держали, разве что иногда кто-нибудь заводил мелкую псину-крысоловку. Если же у дворовых собак рождались щенки – через пару месяцев их уносили к общинным избам, откуда мало-помалу разбирали по дворам односельчане. Пока же щенки были маленькими, их понемногу подкармливали обитатели этих самых изб и другие сердобольные жители.

Алера частенько таскала песьим малышам что-нибудь вкусное, и Элай всегда на это язвил о чрезмерной доброте,

которая губит людей, орков и гномов и в конце концов угробит весь мир. Алера на эти ворчания никак не отвечала и делала вид, что не замечает, как сам эльф украдкой скармливает приглянувшемуся щенку сухарь или прихваченный из дому кусок пирога.

Элай поднялся на крыльцо дома кузнеца и остановился, постукивая пяткой по ступени. Ступень гулко ухала.

– Знаешь, Аль, может, зря твой дед и Хобур погнали эту волну. Теперь же, ты понимаешь, Веррен и эти-двое-как-их, они же на тебя осерчали еще больше. Люто так осерчали, понимаешь? Ты ж их унизила – дальше некуда, когда глотки им перерезала. А потом вдобавок про это стало всем известно, а теперь их сверху еще и наказали.

Алера поправила ножны на поясе:

– Поэтому теперь я должна обнять их и порыдать? Или что?

– Или то, что они теперь наверняка хотят оторвать тебе что-нибудь нужное, вроде головы. Как-нибудь внезапно, на темной тихой улице. Кулаки у них не гномьи, конечно, но, если они тебя поймут – тебе не покажется, что не додали. Трепаться с тобой они теперь не будут, это точно.

– Ну так будьте рядом, – буркнула Алера, поднялась по ступеням и толкнула дверь.

Кузнец Суджам жил и работал в большом двухэтажном доме. На первом этаже у него была лавка и кузня, а не уместившаяся часть кузни – снаружи, под навесом. Наверху в одной из комнат обитал сам кузнец, во второй иногда оставался спать Рань, а в какой-то из двух оставшихся теперь околачивался всамделишный магистр, представитель Школы.

В лавке всегда было светло, пахло мышами, сеном и нагретым металлом. Всюду сундуки, сундучки и коробки, под стеной – длинные полки, заваленные утварью, на стенах – пара паршивых мечей «не для продажи, а для души». Никто сторонний не понял бы, что такого душевного в этих коряво сделанных клинках, но сторонние сюда приходили редко, а сельчане знали: эти мечи – первые, которые выковал сын Суджама когда-то бесконечно давно. К тому времени, как он перебрался в ближайший город, Килар, клинки у него получились куда более пристойные, но в городе жизнь его не задалась: проигрался в кости, залез в долги, начал крепко пить и решительно отказался возвращаться в родной поселок. А потом его прихватили с собой проходящие через Килар то ли кочевники, то ли Странники, и с тех пор про сына Суджама не было известно ничего.

Услышав стук входной двери, огненно-рыжий гном нырнул в лавку из кузни и при виде троих друзей просиял так,

словно ждал их весь день и усердно молил Божию об их добром здравии.

– Але-ера! – запел-завопил он, раскрывая объятия. Когда Суджам размахивал руками, то становился похожим на полевика, рыжего, лохматого и в потертом фартуке. – Рыбка моя ненагля-ядная! Как ты жива-здорова, моя пти-ичечка? Чем порадуешь сегодня бедного старого гно-ома?

– Двумя симпатичными кинжалами, – ответила Алера, роясь в котомке. – И теперь я думаю, что напрасно не прихватила еще льда из подпола, чтоб положить его на лоб старому гному. Чего это ты мне так рад, Суджам?

Кузнец улыбнулся еще шире, и глаза его превратились в две щелочки. Он мельком глянул на клинки, запустил руку в карман фартука и выложил на стойку две серебрушки.

– По-моему, льдом тут не обойдешься, – пробормотал Тахар. – Тут лекаря надо звать, а то и жреца.

Клинки-то, конечно, хорошие, но такие Суджам обычно брал по серебрушке за пару, да и то после яростной торговли с угрозами и поминаниями бдыщевой матери. Временами, если кузнец был особо не в духе, Алере приходилось заявлять, что она больше никогда не переступит порога этой скупердяйской лавки и видеть больше не хочет наглуую рожу этого гнома, а мирские диковины отныне будет возить в город и продавать там по честной, достойной цене.

Кузнец упер руки в бока, смотрел на Алеру и улыбался, что было понятно по тому, как становилась дыбом борода

на его щеках. Глаза под густыми бровями блестели азартно, бешено.

В Киларе, ближайшем к Лирме городе, сам Суджам такие кинжалы будет продавать, пожалуй, по две серебрушки за штуку. А если вдруг выберется в любой город Ортая, который находится за пределами северо-восточной части края, богатой порталами – там он возьмет за мирские диковины гораздо, гораздо дороже. Но если сам путешественник получает от Суджама за такие кинжалы по серебрушке – значит, у кузнеца предсмертная горячка, в связи с которой он вынужденно спешит делать хорошие дела, потому как тогда сельчане с большей охотой скинутся на его скорые похороны.

Алера хмыкнула, но монетки сгребла, не задавая вопросов – а почему не брать, когда дают? Суджам окинул взглядом эльфа и мага, стоящих в сторонке, указал глазами на дверь за их спинами, а девушку придержал за локоток. Тахар и Элай молча вышли из лавки, присели на ступени крыльца.

– Не зря мы ее оставили наедине с умалишенным? – спросил маг.

– Не, – Элай оперся спиной на перила, вытянул ноги. – Ему ничего не грозит. Он ведь уже спятил.

Суджам облизнул губы, огляделся, потрусил к задней двери, притворил ее. Глянул в окно, потом на лестницу, ведущую на второй этаж. Алера наблюдала за его метаниями молча, чуть склонив голову набок.

– Суджам, что случилось?

– Рыбка моя! – кузнец прекратил носиться по лавке и навалился широкой грудью на прилавок. – Скажи старому гному правду, как отцу родному, ничего не тая: у тебя есть десятигранники?

Алера вытаращилась на Суджама. По спине ее забегали мурашки, хотя – что такого страшного спросил гном? Просто... Десятигранные Кристаллы встречались очень, очень редко, многие путешественники за годы, проведенные в Мирах, ни одного такого не находили. Впрочем, Кристаллы, да и любые мирские диковины, невозможно искать нарочно, никогда не знаешь, где они могут встретиться – в магоновой схованке, на брошенной стоянке, у самих магонов, в ящеринном гнезде или нигде. Десятигранники могут попасться новичку, впервые шагнувшему через портал, а могут никогда не встретиться человеку, который живет запортальями. Быть может, потому никто и не пытался организовать мирские вылазки, о которых говорил Тахар – зряшной была бы такая затея, слишком много зависит от случая.

Десятигранные Кристаллы обладали невероятной, почти опасной силой, которую не каждый мог и не каждый осмелился бы использовать. И один десятигранник у Алеры был: пару лет назад Тахар углядел его среди ошметков ящера, разорванного на куски заклиниванием. Там же валялась полупереваренная ступня магона.

По давнему уговору друзья сразу делили мирские диковины: Тахару отдавали все найденные Карты, Элаю – наконец-

ники для стрел, Алере – Кристаллы, Раню – топазы для оберегов. Остальное использовали кто во что горазд: на продажу, на обмен, в кубышку.

От того десятигранника, что нашел Тахар, не было пользы никому из четверых друзей и никому во всей округе: темно-зеленые с коричневыми прожилками Кристаллы усиливали заклинания некромантии, а никто в Лирме никогда не видел живого некроманта.

Тогда Алере пришлось перерыть уйму обрывочных записей, чтобы установить природу десятигранника. Разочарование было огромным, но теперь давно уже забылось, а Кристалл остался у Алеры в сундуке среди прочих мирских диковин, которые продавать жалко, а использовать никак нельзя. Да и если вдруг захочешь расстаться с такой диковиной, так поди найди, кому предложить Кристалл с подобными свойствами. Пусть этот десятигранник должен стоить почти безумных денег лишь потому, что он десятигранник – кто его купит, кроме самих некромантов или тех, кто торгует с некромантами? Их жуткая лаборатория – аж в Меравии, в южном крае Идориса, и до нее от Лирмы будет, наверное, тысяча переходов. А может, две! Да и кто в своем разуме пошел бы в такое место, где двинутые на всю голову маги оживляют мертвецов? Знаем мы этих некромантов, хотя и не видели их никогда, и соваться к ним вовсе даже не желаем, и очень хорошо, что они сидят в такой дали и сами не могут сунуться к нам.

И вообще, хорошо бы некромантию запретить, а лабораторию разобрать по камешку и утопить эти камешки в море.

Еще, наверное, удалось бы продать Кристалл какому-нибудь собирателю мирских диковин, но в северо-восточном Ортае нелегко было найти таких собирателей: слишком много порталов в округе, и все местные, кого интересовали мирские вещицы, успели наесться ими в собственном детстве. Наверняка в городах были торговцы, которые скупали диковины для перепродажи в другие места, но никто в Лирме не был знаком с такими полезными людьми. Потому десятигранник просто лежал у Алеры в сундуке.

Да и не продала бы она его, наверное, даже за грудку серебрушек: десятигранное воплощение редчайшей для путешественника удачи было важнее денег, даже если редкий Кристалл оказался бесполезным, некромантским.

Суджам правильно истолковал задумчивое выражение лица Алеры.

– Рыбка! Продай его мне! Старый гном за десятигранник готов отдать душу!

– А что мне делать с твоей душой? – вытаращилась Алера. – Кристалл не продам, Суджам, не проси, это ж десятигранник! Это не какой-нибудь вшивый череп ящера или там обсидиановый меч – помнишь, да? – за которые ты обещаешь звезды с неба, а платишь по десять серебрушек. Вот когда мы с друзьями состаримся, то поселимся все вместе под одной крышей и будем этим Кристаллом перед внуками

хвостать. Ты не предложишь мне взамен ничего интересней, хитрый старый гном.

– Рыбка...

– Суджам, у меня некромантский десятигранник. На бдыщевый хвост он тебе сдался?

Кузнец, кажется, совершенно не расстроился.

– Не имет роли, для чего Кристалл назначен. Лишь бы... Ой, рыбка, я тебе все расскажу, только пообещай, что продашь его мне!

Алера покачала головой:

– Нет, Суджам, и даже не начинай меня упрашивать. Если тебя заклинило на Кристаллах – я тебе от сердца оторву пару шестигранников, хоть своих, хоть следующих, которые найду. А про этот и думать не думай, и можешь мне за это даже не говорить, зачем он тебе вдруг понадобился.

Однако гнома распирало. Он окончательно распластался по прилавку, выплясывая ногами по полу.

– Этот приезжий маг, Дорал, слушай, рыбка моя хвостатая, у него книга есть, то есть не книга даже, а списка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.